

**FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY PALACKÉHO  
V OLOMOUCI  
KATEDRA SLAVISTIKY**

**KOMENTOVANÝ PŘEKLAD SOUČASNÉ RUSKÉ PRÓZY  
(Maxim Osipov: Kámen, nůžky, papír)**

**ANNOTATED TRANSLATION OF CONTEMPORARY RUSSIAN  
PROSE  
(Maxim Osipov: Rock, paper, scissors)**

**КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД СОВРЕМЕННОЙ  
РУССКОЙ ПРОЗЫ  
(Максим Осипов: «Камень, ножницы, бумага»)**

**Magisterská diplomová práce**

VYPRACOVALA: Bc. Julie Pavljuk

VEDOUCÍ PRÁCE: Doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

**2017**

Prohlašuji, že jsem práci vypracovala samostatně a uvedla všechny použité prameny.

V Olomouci, 13.04. 2017

---

podpis

Děkuji paní docentce Vychodilové za poskytnutí materiálů a za odborné vedení, trpělivost a ochotu, kterou mi během psaní diplomové práce věnovala. Dále bych chtěla poděkovat paní magistře Chadaevé a paní magistře Dobrové za rady a připomínky, které mi při překládání novely poskytly. V neposlední řadě patří můj dík také paní magistře Pitnerové rovněž za cenné rady při překladu.

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение .....	5
1. Максим Осипов .....	6
1.1. Творчество .....	6
1.2. Лингвостилистическая характеристика повести «Камень, ножницы, бумага» .....	8
1.3. Повесть «Камень, ножницы, бумага» .....	11
2. Транслатологический комментарий к переводу .....	13
2.1. Метод перевода .....	13
2.1.1. Стилистический уровень .....	15
2.1.1.1. Лексический уровень .....	20
2.1.1.2. Морфолого-синтаксический уровень .....	23
2.1.2. Прагмалингвистический уровень .....	33
2.1.2.1. Реалии .....	34
2.1.2.2. Название .....	37
2.1.2.3. Фразеологизмы .....	37
2.1.2.4. Аллюзии .....	40
3. Перевод повести .....	44
Заключение .....	65
Приложение .....	68
Резюме .....	86
Список литературы .....	92
Аннотация .....	97

## **Введение**

Целью данной работы является функционально эквивалентный перевод части повести Максима Осипова «Камень, ножницы, бумага», с соответствующим транслатологическим комментарием. Повесть была впервые опубликована в 2009 году в журнале «Знамя», затем в 2012 году в сборнике «Человек эпохи возрождения». Наш перевод основан на более актуальной версии, появившейся в 2015 году и находящейся на официальном сайте Максима Осипова. Выбор автора обусловлен его малоизвестностью для чешского читателя: посредством нашей работы мы расширили круг российских писателей, представленных в чешской среде. Кроме того, интерес вызвал своеобразный стиль писателя, заключающийся в коротких эллиптических, неполных предложениях и в использовании разговорной и жаргонной лексики. Такой специфический текст вызвал затруднения при переводе, которые описаны в анализе перевода.

Структура работы логически обусловлена поставленными в ней целями и задачами. Она разделена на две части: теоретическую и практическую. К практической части относится сам перевод, а к теоретической – биография Максима Осипова и анализ перевода, частью которого является лингвостилистическая характеристика повести «Камень, ножницы, бумага», а также краткое её содержание, наличие которого поможет лучше понять анализ перевода.

Транслатологический комментарий к переводу состоит из нескольких уровней: лексического, морфоло-синтаксического и стилистического. Кроме вышеназванных уровней, мы занимаемся также прагматикой и названием, переводом реалий, фразеологизмов, аллюзий.

Методологической основой работы являются общетеоретические и специальные труды отечественных и зарубежных специалистов в области теории перевода и переводоведения: И. Левого, Д. Книттловой, З. Куфнеровой, В.Н. Комиссарова. Также мы ссылаемся на работы других лингвистов и переводчиков, в частности В.С. Модестова, Н.С. Валгиной.

## **1. Максим Осипов**

В первую очередь мы ознакомились с биографией и творчеством Максима Осипова, поскольку для качественного перевода необходимо изучить индивидуальный стиль автора и понять в целом специфику его творчества. Важно было сосредоточиться не только на лингвистической стороне перевода, но также и на эстетической, так как от неё зависит выбор лингвистических трансформаций.

Поскольку Максим Осипов в чешской среде не совсем известный писатель (на чешский язык переведён лишь один рассказ «Маленький лорд Фаунтлерой» (Pechal, 2013, s. 164)), мы посчитали необходимым ознакомить читателя с его биографией. Максим Александрович Осипов родился в Москве в 1963 году. Окончил медицинский институт, некоторое время работал в Калифорнийском университете, потом вернулся в Москву и работал врачом до 1994 года. В том же году основал медицинское издательство «Практика», однако с 2005 года вернулся к медицинской практике и работает кардиологом в городе Таруса под Москвой.

Осипов издаёт свои произведения с 2007 года, в основном в журнале «Знамя», ранее он опубликовал два издания книги «Клиническая эхокардиография» в 1993 и 2005 годах. В издательстве АСТ-Corpus М. Осипов выпустил четыре сборника «Грех жаловаться» (2009), «Крик домашней птицы» (2011), «Человек эпохи возрождения» (2012), «Волною морскою» (2014). Произведения Осипова переведены на многие языки: чешский, испанский, английский, французский и другие. Была также поставлена пьеса «Русский и литература» (по мотивам повести «Камень, ножницы, бумага») в Омском и Санкт-Петербургском театрах. Осипов является лауреатом Бунинской премии, премий Юрия Казакова, «Ясная поляна» и НОС, а также премии Белкина и двух премий журнала «Знамя».

### **1.1. Творчество**

Рецензии на творчество Максима Осипова в большинстве своем положительные, а произведения его реалистические и часто связаны с медицинской тематикой, поэтому его сравнивают с А.П. Чеховым. Они оба выступают в качестве объективного наблюдателя в своих произведениях и оба потрясены искривлённой культурой некоторых людей, но от этого их произведения не становятся пессимистическими, авторы людям скорее сочувствуют. А главное, они

принимают жизнь такой, какая она есть, – как пишет Осипов в произведении «Крик домашней птицы»: «В Москве ли, в Петербурге, в провинции — жизнь страшна. Скажем так — и страшна. (...) А потом будет день, и опять будут птички — небесные, домашние, дикие, всякие. Мир не ломается, что ни случись, так он устроен.» (<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/1/os10.html>) Благодаря такому взгляду на положение вещей, призыв Осипова к тому, чтобы любить жизнь, не звучит банально и наивно.

Несмотря на большое количество черт, указывающих на сходство творчества Осипова и Чехова, важно отметить и то, чем они друг от друга отличаются. Разница прежде всего в том, что Чехов не высказывает свою позицию, оценку. Осипов в этом смысле – полная противоположность Чехову, он своё мнение объясняет. Обратимся к произведению «Как быть», где два рассказчика пытаются убедить самоубийцу в том, что жизнь стоит того, чтобы жить. Как замечает Адриана Фицо, философские выводы типа «Чтобы радоваться, — надо *быть*» делают творчество Осипова оригинальным. Во многих произведениях, как например: «Встреча», «Москва-Петрозаводск», Осипов показывает читателю ситуации, в которых герои внезапно чувствуют жажду жизни. (Fico in Pechal, 2013, s. 161) В связи с этим Осипов выражает в своих произведениях неприязнь к пациентам, которые проявляют невежество к своему здоровью и лень: «в ответ на вопрос: “На что жалуетесь?” отвечают с раздражением: “Да вот, послали к кардиологу”.» ([http://krotov.info/libr\\_min/15\\_o/si/pov\\_2007.htm](http://krotov.info/libr_min/15_o/si/pov_2007.htm)) Но есть и позитивные моменты в общении с пациентами, к примеру, старушки, которые интереснее всех, как пишет сам Осипов. ([http://krotov.info/libr\\_min/15\\_o/si/pov\\_2007.htm](http://krotov.info/libr_min/15_o/si/pov_2007.htm))

А. Фицо сравнивает Осипова также с М.А. Булгаковым, особенно сходство прослеживается в произведении «Записки юного врача». Авторы объединяет то, что они замечают неприязнь пациентов и отсутствие желания сотрудничать с врачом. Но в их творчестве также есть место для юмора. Следующий фактор, объединяющий авторов, — это свобода, необходимая для того, чтобы человек мог выполнять своё жизненное назначение. (Fico in Pechal, 2013, s. 163)

Герои Осипова сталкиваются с трудностями в виде национальных и религиозных общностей и постоянно куда-то едут. Движение и дорога играют важную роль в произведениях.

## 1.2. Лингвостилистическая характеристика повести «Камень, ножницы, бумага»

Повесть «Камень, ножницы, бумага» принадлежит к художественному стилю, для которого характерно воздействие на чувства читателя. Стиль автора оригинальный, отрывочный, произведение состоит из коротких предложений, которые, особенно в диалогах, приближают речь к разговорной. Кроме того, в диалогах присутствуют разговорная и экспрессивная лексика, жаргон.

Примеры:

*Паша еще этот, шибздик. Метр с кепкой, а гонору! (О, с. 75)*

*Ještě k tomu ten cvok Paša. Malý pivo to je, ale jak se povyšuje! (П, с. 52)*

*Если есть нарекания, собирай манатки и — давай, топай, ауфвидерзеен. (О, с. 75)*

*Pokud se ti něco nelíbí, sbal si saku raky a padej, čus. (П, с.52 )*

*Жидков опять начудил: пробрался ночью на сестринский пост, вызвал скорую: плохо мне, не могу дышать! А скорая тут же, внизу. (О, с. 76)*

*Židkov zas něco vyvedl, nepozorovaně proklouzl na sesternu a zavolal záchranku: „Je mi špatně, nemohu dýchat!“ Přitom záchranka je hned tady dole. (П, с. 53 )*

*Первый — да, побои наносил потерпевшему он, и в карманах шарил у него тоже он. — Чем шарил, руками? — спрашивает прокурор. Чем еще можно шарить? Понимает ли обвиняемый, о чем его спрашивают? (О, с. 79)*

*Ano, první zasazoval poškozenému údery, kapsy mu prohrabával také on. „Čím jsi je prohrabával, rukama?“ ptá se státní zástupce.*

*Čím se dá ještě prohrabávat? Rozumí vůbec obžalovaný, na co se ho ptají? (П, с. 57)*

— *Начинаем процесс. — Здесь по-домашнему. — Давайте, ребята, айн-цвай,*  
*в зал. (О, с. 79)*

„*Zahajujete proces. Tady je to podomácku. Tak honem, kluci, ajn, cvaj, do síně.*“  
(П, с.56 )

*Отцу Александру бы поучиться, любую службу развозит на два часа. (О, с. 79)*  
*Otec Alexandr by se od něj měl učit, každou bohoslužbu roztahuje na dvě hodiny. (П,*  
*с. 57)*

*Мальчишек, насколько известно, обчистили нескольких, и телефонов забрали*  
*несколько, (...)(О, с. 79)*

*Pokud je znáto, chlapců okradli několik a telefonů vzali také několik,(...)* (П, с. 57 )

*Неудобно, небось, держать сигарету двумя руками? Похудели вы без Ксении*  
*Николаевны, осунулись. (О, с. 79)*

*Asi není moc pohodlný držet cigaretu oběma rukama? Zhubli jste bez Ksenije*  
*Nikolajevny, jste nějaký seschlí. (П, с. 56)*

*Ксения прикидывает его возраст. Школу не надо прогуливать. (О, с. 79 )*

*Ksenija odhaduje jeho věk. Za školu by se chodit nemělo. (П, с. 57)*

— *Разрулим ситуацию. Будет часовня, готовь решение! (О, с. 78)*

„*Přijdeme tomu na kloub. Kaple bude, připrav rozhodnutí!* (П, с. 56)

Разговорной является не только лексика, но и синтаксис, для которого типичны изменение порядка слов, эллипсис, неполные предложения и недосказанность.

Примеры:

*Но уж вы никому, Ксеничка Николаевна, народ у нас, сами знаете... (О, с. 68)*

*Ale nikomu ani muk, Kseničko Nikolajevno, víte přece, jací lidé jsou...“ (П, с. 44)*

*Дочитать гада. (О, с. 73)*

*Musí ho dočíst, mizeru. (П, с. 50 )*

— *Не лечат меня. Другим — капельницы... (О, с. 76)*

„Neléčí mě tady. Jiným dávají kapačku...“ (П, с. 54)

— Заберешь меня? К лету, ведь сказано. (О, с. 76)

„Vezmeš mě odsud?“ Už přece říkala, že začátkem léta. (П, с.53)

Писатель плавно переходит в рассказывании о Роксане к Ксении, причём не указывая имён, а лишь приводя местоимения, что создает намеренную запутанность в действиях персонажей. Лишь дочитав предложение, читатель может понять, о ком идет речь. Осипов описывает Роксану, а со слова *стояла* уже идёт речь о Ксении, например:

*(...) пиво pil na terrase, Roksana ему подавала. Попробовал протянуть руку, дотронуться до нее: «Де-эшка...» Как-то дернулась, и уж зажегся огонь так огонь, будьте-наме. Что-то вырвалось у нее, несколько звуков, горлом. Сник парень, пиво не допил, ушел. Стояла возле двери, все видела, тогда же решила: пускай работает, буду платить ей. Так что Роксана тут с августа (...)* (О, с. 75)

*(...) pil na terase pivo. Když mu ho Roksana podávala, zkusil natáhnout ruku a dotknout se jí: „Slešno...“ Trhla sebou a takový oheň se jí zapálil v očích, to byste koukali. Vyhrkla ze sebe jen pár divných zvuků. Mladík se vytratil, ani pivo nedopil. Ksenija stála u dveří, všechno viděla, tenkrát se rozhodla, ať pracuje, bude jí platit. Takže Roksana je tady od srpna, (...)* (П, с. 52)

Графически выделено курсивом писание, которое пишет учитель и в котором построение текста более литературное, чем повествование рассказчика. Писание состоит из сложных предложений, с одновременным использованием разговорной лексики, но в меньшей степени.

*Я учитель русского языка и литературы, не женат и бездетен. Всю свою жизнь за вычетом той, что прошла в Калининском университете (неприятный, забытый сон), живу в нашем городе. Здесь красиво невеселой среднерусской красотой. Если не видеть сделанное человеком, очень красиво. (О, с. 68)*

*Jsem učitel ruského jazyka a literatury, nejsem ženatý a nemám děti. Celý svůj život, kromě toho na Kalininské univerzitě (nepříjemný, zapomenutý sen), žiji v tomto městě. Krása se zde projevuje jako pochmurná ruská krása. Pokud není vidět to, co vytvořil*

*člověk, je tu velmi krásně.* (II, с. 44)

Построение текста следующее: повесть написана хронологически, вначале Ксения читает писание учителя, посредством этого мы узнаём не только о жизни учителя, но и детали из жизни Ксении.

### **1.3. Повесть «Камень, ножницы, бумага»**

Действие разворачивается в небольшом городке России. Ксения Николаевна Кныш – хозяйка пельменной и глава местного законодательного собрания. Предприниматель Ксения хочет построить для города часовню. Но оказывается, что для неё совсем непринципиально, что строить, часовню или мечеть. Интересно ещё и то, что на месте предполагаемого строительства живёт учитель литературы, и, чтобы получить землю, надо дом соседа-учителя поджечь.

Учитель литературы обожает русскую классическую литературу и к этому же старается привлечь своих учеников, проводя у себя дома литературные четверги. Он тайно влюблён в свою ученицу Верочку, дочь Ксении. Верочка поступает на философский факультет Санкт-Петербургского университета, через некоторое время она бросает его, чтобы помочь нуждающимся, и погибает. С тех пор, учитель для Ксении – враг. Отец Верочки, бывший секретарь райкома, находится в больнице, в которой его иногда навещает его бывшая жена Ксения. Ксения православная, верующая, соблюдает пост, однако в некрестыанский праздник по время поста может себе позволить выпить немного алкоголя.

Следующая линия повести – Роксана, таджикская женщина, работающая в пельменной. В её сильной воле и гордой осанке видно сходство с Ксенией. Роксана – мусульманка, всё время работает в пельменной, при этом Ксения про неё почти ничего не знает, а попытки подружиться с ней проходят неудачно. Но один раз, когда Роксана находится в пельменной одна, её пытается изнасиловать мужчина, которого она убивает. Она идёт сама в полицию и признаётся в случившемся, в СИЗО и во время следствия выясняется, что доньине молчаливая Роксана окончила МГУ и отлично владеет русским языком. Роксана – сильно верующая мусульманка, и для неё вера – всё. Даже после того, как она признаётся

в том, что совершила убийство, она ведёт себя спокойно и цитирует Коран. Своим спокойствием и силой духа поражает Ксению.

## **2. Транслатологический комментарий к переводу**

В следующих главах нашей целью было охарактеризовать основные проблемы, с которыми мы столкнулись при переводе, а также найти их решения. Мы приводим примеры из повести, они обозначены буквой «О» и номером страницы, в большинстве случаев приводим пример из перевода, обозначенный буквой «П» с номером страницы.

Выбрав несколько языковых уровней, мы выделили в них области, которые, по нашему мнению, надо было прокомментировать и которые с русско-чешской сопоставительной точки зрения оказываются интересными.

### **2.1. Метод перевода**

По словам Григовой, перевод должен восприниматься не как перевод, а как подлинник. (Grygová in Knittlová, 2010, s. 14) Для достижения этой цели переводчику необходимо выбрать верный метод перевода. Левый указывает, что метода два – точный и свободный (вольный) переводы. (Levú, 2012, s. 82) Комиссаров даёт этим двум методам перевода следующую характеристику: перевод точный – «перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала» (Комиссаров, 1990, s. 234), и перевод свободный (вольный) – «выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого возможно достичь при данных условиях переводческого акта. Свободный перевод может быть признан адекватным, если он отвечает другим нормативным требованиям перевода и не связан с существенными потерями в передаче содержания оригинала». (Комиссаров, 1990, s. 235) В связи с данными характеристиками, представленными Комиссаровым, и утверждением Книттловой о том, что в случае художественной литературы надо от точного перевода из-за его эстетической функции отказаться (Knittlová, 2010, s. 18), мы остановились на границе между переводом свободным и точным, прислушиваясь к Поповичу, утверждающему, что точность и свобода перевода тесно связаны. (Popovič, 1975, s. 121)

Не менее важна и стратегия перевода, под которой понимается «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика и составляет его общую стратегию». (Комиссаров, 2002, s. 356)

В переводе реалий существуют два подхода: экзотизация – сохранение иностранных слов и реалий в переводе, и натурализация – приспособление перевода к отечественным условиям.

Мы придерживались принципа экзотизации текста: максимально точного перевода реалий, так как мы хотели приблизить чешскому читателю российскую среду, а также перевода имен собственных. При переводе на уровне морфолого-синтаксическом нам пришлось принять во внимание тот факт, что в чешском языке некоторые явления используются в иных ситуациях, нежели в русском. Особый стиль автора, проявляющийся в лаконичных предложениях, мы старались сохранить в тех местах, где это позволяли правила чешского языка.

Виликовски подчёркивает, что целью перевода является не передача языковых средств, а передача информации, которую эти средства выражают. (Vilikovský, 2002, s. 21) Его точку зрения разделяет и Моравец, утверждающий, что для того, чтобы получился хороший перевод, необходимо понять произведение в целом и переводить не отдельные слова, а мысли. Для этого важно не только владение обоими языками, но и анализ и оценка фактов. На первый взгляд могло бы показаться, что родственность русского и чешского языков может упростить перевод, но эта близость языков может на самом деле помочь лишь с пониманием основного смысла, в остальных случаях языковая родственность может, скорее всего, мешать. Мнимое сходство в грамматических средствах или в похожем звучании слов часто имеет другое значение и лишь сбивает переводчика с толку. (Moravec, 1953, s. 28)

Комиссаров акцентирует внимание на том, что для художественного перевода «(...) доминантной является одна из коммуникативных функций, а именно художественно-эстетическая или поэтическая». (Комиссаров, 1990, s. 95) Следовательно, для художественного перевода «(...) типичны отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода». (Комиссаров, 1990, s. 95)

Такого же мнения придерживается С.Г. Бархударов, говоривший о том, что важной для перевода является эквивалентность значений не слов, а целого текста. (Бархударов, 1975, s. 15)

Переводчику следует уделять должное внимание использованию русизмов, которые могут очень негативно отразиться на тексте перевода. Необходимо придерживаться правил чешского языка и не нарушать его структуру языковыми явлениями, которые в данном языке не используются, а только лишь затрудняют понимание текста.

Из всего вышеизложенного мы можем сделать вывод, что проблема нахождения грани между так называемым калькированием и слишком свободным переводом актуальна.

### **2.1.1. Стилистический уровень**

Стилистический уровень проникает во все уровни языка, в частности, применительно к нашему переводу в лексический и морфолого-синтаксический уровни, которые мы и описываем далее.

Как пишет Гачечиладзе, «стиль (...) является результатом поисков наиболее удачных языковых средств для лучшего воплощения идеи произведения». (Гачечиладзе, 1972, s. 176)

Важно отметить, что стилистика играет большую роль, так как она влияет на выбор языковых средств. В целом, повесть «Камень, ножницы, бумага» написана литературным языком, но зачастую появляются разговорные и экспрессивные выражения, особенно в диалогах. Как утверждает Иржи Левый, переводчик выбирает стилистические средства и тем самым в той или иной мере навязывает свой стиль. Переводчик не должен вносить свои поправки в перевод посредством сокращения или дополнения оригинального текста. (Levý, 1971, s. 62) В нашей работе мы старались придерживаться этого принципа Левого, но в некоторых случаях приходилось сталкиваться с интеллектуализацией, выражающейся в трёх способах: сделать текст более логичным, излагать недосказанное и формально выражать синтаксические отношения. (Levý, 1998, s. 145, 146)

Примеры:

*Как ее ненавидел Толстой и как любили большевики! Наш паровоз вперед летит, и все прочее. Тормозной путь полтора километра — шутка ли?* (О, с. 69)

*Jak jen ji nenáviděl Tolstoj a jak ji milovali bolševici, kteří zpívali Naše lokomotiva letí vpřed. A tak podobně. Brzdná dráha lokomotivy je jeden a půl kilometru. To má být vtip?* (П, с. 45)

*Лето закончится, и — до лучших времен: дайте знать, когда соберетесь к нам в Белокаменную.* (О, с. 71)

*Léto skončí a pak hurá na lepší časy, dejte vědět, až se rozhodnete zavítat k nám do bělokaenné Moskvy.* (П, с. 48)

*— Ха-ха-ха, — смеется судья. — Для синхронизации у нас «Три семерки»!*  
*Портвешок. Поняла?* (О, с. 80)

*„Ha ha ha,“ směje se soudce. „Na synchronizaci máme Tři sedmičky!“ Portské vínečko. Chápeš?* (П, с. 58)

Говоря об экспрессивности, следует отметить, что, по словам Куфнеровой, в русском языке экспрессивность с помощью междометий выражается сильнее, чем в чешском языке. (Kufnerová, 1994, s. 107)

Стиль автора в большей степени проявился в области синтаксиса, что тесно связано с лексикой и стилистикой. Важно было решить, какие средства выражения для перевода выбрать, чтобы они соответствовали стилю оригинала. В русском языке система стилей отличается от чешской, поэтому стиль перевода должен соответствовать не только оригиналу, но и чешскому обычаю. Разговорную речь мы переводим обиходным чешским языком (obecná čeština), а иногда нейтральными словами.

Примеры:

*Неудобно, небось, держать сигарету двумя руками?* (О, с. 79)

*Asi není moc pohodlný držet cigaretu oběma rukama?* (П, с. 56)

*Она принимается объяснять: штрих-код, три шестерки, как на этой бутылке — ясно тебе? Так на любом изделии.*

— Да зачем они нужны, будем говорить, три шестерки? Чего-то я не пойму. —  
Егор забирает бутылку, собирается наливать.  
Она не может точно сказать.  
— Вроде, для этой, синхронизации...  
— Ха-ха-ха, — смеется судья. — Для синхронизации у нас Три семерки!  
Портвешок. Поняла? (О, с. 80)

*Ksenija začíná vysvětlovat: čárovej kód má tři šestky, jako na téhle láhvi, je ti to jasný? Takhle je to na jakýmkoliv výrobku.*  
*„Ale k čemu jsou tyhle tři šestky? Nějak to nechápu.“ Jegor bere láhev a chystá se nalít.*  
*To ona nemůže přesně říct.*  
*„Nejspíš kvůli ty, synchronizaci...“*  
*„Ha ha ha,“ směje se soudce. „Na synchronizaci máme Tři sedmičky!“ Portské vínečko.*  
*Chápeš? (П, с. 58)*

Илек указывает, что правильный перевод – тот перевод, который не меняет уровень стиля оригинала, несоблюдение динамики речи считается грубой ошибкой. (Пек in Moravec, 1953, s. 84) Было трудно переводить повесть, так как в ней очень часто встречаются короткие, эллиптические реплики, типичные для русского языка, но неприемлемые для чешского. К сожалению, периодически приходилось нарушать эту лаконичность, так как перевод на чешском языке звучал бы неестественно.

### **Признаки разговорности:**

#### **А) Употребление побудительных предложений**

*Sloužit rozвлечением dачницам: сельский учитель словесности, энтузиаст, давайте-ка приблизим его к себе, что это он до сих пор неохваченный? — нет уж, с этим расстаться не жаль. (О, с. 71)*

*Sloužit pro pobavení chatařek: venkovský učitel, nadšenec, pojd'me, sblížíme se s ním, jak to, že je doted' nezadaný? ... Kdepak, toho se klidně vzdám. (П, с. 48)*

*Иди, давай, открывай, клиенты ждут. (О, с. 73)*

*„Jdi otevřít, zákazníci čekají.“ (П, с. 50)*

*Если есть нарекания, собирай манатки и — давай, топай, ауфвидерзеен. (О, с.75)*

*Pokud se ti něco nelíbí, sbal si saku raku a padej, čus. (П, с. 52)*

*— Что — знаю?! Кто тебя пустил сюда? Ну-ка! (О, с. 82)*

*„Co vím? Kdo tě sem pustil? No!“ (П, с. 60)*

*Лежу иногда без сна, сочиняю свои диалоги с ней. Ребячество? — ну и пусть. (О, с. 69)*

*Občas když nemohu usnout, vymyslím si dialogy s ní. Je to dětinské? Tak ať. (П, с.45)*

#### Б) Встречаются вводные слова и частицы

*Верочка очень ко мне тянулась. Да и я любил Верочку. (О, с. 72)*

*Věročka ke mně velmi tíhla. I já jsem Věročku miloval. (П, с. 48)*

*Да и я, учитель, тоже по мере сил стараюсь все делать правильно. (О, с. 74)*

*I já, učitel, se také snažím, co mi síly stačí, dělat vše správně. (П, с. 51)*

*Утро было пасмурное, а тут и солнышко. (О, с. 79)*

*Ráno bylo zataženo, ale teď je sluníčko. (П, с. 56)*

*Тут, будем говорить, сто пятая, часть вторая. (О, с. 82)*

*„Tady je to, řekněme, podle článku sto pět, druhý části.“ (П, с. 61)*

*Тут я, по-видимому, навсегда: тут родился, тут и умру (...)(О, с. 68)*

*Už tu asi zůstanu navždy, tady jsem se narodil, tady i zemřu. (П, с. 44)*

#### В) Междометные фразы

*Слабак. ТЬфу. — Отрывается от чтения, руку трет. (О, с. 73)*

*Slaboch je to. Tfu, “odtrhává se od čtení a mne si ruku. (П, с. 50)*

*ТЬфу, урод! (О, с. 83)*

*Ale houby! (П, с.61)*

*Иные поколения, фу ты. (О, с. 82)*

*Další generace, tfuj. (П, с. 60)*

*Эх, был бы он у меня! (О, с. 69)*

*Kéž bych ho tak měl! (П, с. 45)*

*Все такое обшарпанное, когда ремонт будем делать, а? (О, с. 76 )*

*Vše je tak zanedbané, kdy budeme dělat rekonstrukci, co? (П, с. 53)*

Г) Выражение эмоций с помощью частиц

— *Нет, не угадаешь. Андропов это. Юрий Владимирович. Вот так вот. (О,с.82)*

„*Ne, to neuhádneš. Andropov je to. Jurij Vladimirovič. Takhle je to. (П, с. 60)*

— *Именно что, учитель. Вот и учил бы. (О, с. 81)*

„*Právě, že učitel. Měl radši učit. (П, с. 59)*

(...) *вот и я посоветовал Верочке: поступай-ка ты на филфак. (О, с. 72)*

(...) *tak jsem poradil Věročce, aby se hlásila na fildu. (П, с. 49)*

*Городу, всем обещала, себе. Аятолла, во как. (О, с. 74)*

*Městu, všem, sobě to slíbila. Úplný aĵatolláh. (П, с. 51)*

Д) Такие конструкции предложений как

*Что за имя такое? Роксана, Оксана, Ксана — надо же, тезки почти. (О, с. 75)*

*Co je to za jméno? „Roksana“, „Oksana“, „Ksana“ — no téda, jsou téměř jmenovkuně. (П, с. 52)*

*А скорая тут же, внизу. (О, с. 76)*

*Přitom záchranka je hned tady dole. (П, с. 53)*

### 2.1.1.1. Лексический уровень

На лексическом уровне мы рассматриваем перевод имён собственных, деминутивов, вульгаризмов и терминов, поскольку они крайне интересны с точки зрения перевода: в этих категориях существует множество отличий между русским и чешским языками.

#### Имена собственные

Лексический уровень в некотором смысле тесно связан с графическим и фонетико-фонологическим уровнями языка, а именно в области перевода имён собственных. Нужно обращать особое внимание на графическую систему обоих языков, на то, насколько имя прижилось, стало домашним в языке, на который оно переводится. (Straková in Kufnerová, 1994, s. 172)

В повести встречаются гипокористики, например, *Верочка, Ксюша, Паша*, которые мы переводим на чешский язык с помощью транскрипции, т.е. перевода звуковой формы слова (Vychodilová, 2013, s. 36), как *Věročka, Ksjuša*. В чешском языке есть такой вариант имени *Ксения*, как *Xenie*, однако его фамильярный вариант *Ксюша* необходимо переводить как *Xjuša*, что является неприемлемым в чешском языке. Мы остановились на варианте имени *Ksenija*, которое также используется в чешском языке, кроме того, от него лучше производится фамильярный вариант *Ksjuša*. Остальные имена мы также переводим транскрипцией, например, *Исайкин, Жидков, Цыцын, Егор* как *Isajkin, Židkov, Cicin, Jegor*. В повести «Камень, ножницы, бумага» мы столкнулись с характеризующей фамилией судьи – *Рукосуев*, и, чтобы не утратить смысл этой фамилии, мы решили ее перевести на чешский язык как *Rukodávek*. Имя *Роксана* персидского происхождения и мы решили применить вариант *Roksana*.

Возникли трудности и с переводом разговорного варианта имени и отчества *Паландреич*. На чешский язык это можно перевести как *Pavel Andrejevič*, что, естественно, приводит к потере разговорного оттенка, однако вариант *Pavel Andrejič* тоже не привносит оттенка разговорности, поэтому первый вариант является преимущественным. К тому же, как пишет Модестов, в любом переводе утраты и приобретения неизбежны. (Модестов, 2006, s. 35)

В вопросе сохранения отчества в тексте перевода следует придерживаться точки зрения Страковой, согласно которой отчество, оставленное в переводе, сигнализирует русскую среду. (Straková in Kufnerová, 1994, s. 167)

### Деминутивы

Деминутивы, несмотря на их использование в обоих языках, в русском языке, как правило, более частотны, поэтому при переводе на чешский язык они не всегда используются. Например, слова: *лимончик, огурчики, маслинки, рыбка, коньячок, рюмочка, листочки* и т.д. следует переводить без помощи деминутивов, поскольку в чешском языке они в данном случае не употребляются. Но были и случаи, когда нам удалось использовать компенсацию при переводе: утраченные элементы смысла при переводе компенсировались другим средством. (Vychodilová, 2013, s. 43) Для примера рассмотрим слово *портвешок*, которое, соответственно, переводим как *portské vínečko*.

Деминутивы могут также выражать иронию или негативный оттенок, как в данном случае: *маленькие некрасивые люди*. Здесь мы не используем в качестве перевода деминутив, вместо этого применяется антонимический перевод, или, как пишет З. Выходилова, трансформация, в которой происходит замена отрицательной формы на утвердительную без изменения значения (Vychodilová, 2013, s. 43), т.е. *malí oškliví lidé*.

### Вульгаризмы

По словам Книттловой, вульгаризмы принадлежат к словам табуизированным. С этим нужно считаться при переводе литературных произведений. (Knittlová, 2000, s. 65) В повести «Камень, ножницы, бумага» встречается несколько вульгаризмов в диалогах, которые мы переводим с учётом их частотности использования в чешском языке.

Примеры:

—*Менту: — Дай сюда, что ты написал, дознаватель херог!* (О, с. 83)

*Na policajta: „Ukaž to sem, co jsi napsal, ty mizernej vyšetřovateli.* (П, с. 61)

—*Где ее подпись? Нету! Всё, филькина грамота! Засунь себе в...* (О, с. 83)

*„Kde je její podpis? Žádný není! Je to neplatný! Můžeš si to strčit někam...“* (П, с.61)

*Давай сюда опять свою, блядь, медицину!* (О, с. 83)

*Pošli sem, sakra, zpátky tu svoji záchranku!*“ (П, с. 61)

— *Ладно, разберемся с этим чмо, — давно бы так!* (О, с. 78)

„*Dobrá, vyřídíme to s tím blbcem.*“ *Už se to tak mělo udělat dávno!* (П, с. 56)

*Пошел ты со своей пасекой!* (О, с. 77)

*Jdi někam se svojí včelnicí!* (П, с. 54)

## **Термины**

Термины также используются в повести, можно было бы подумать, что будут превалировать термины из сферы медицины, так как автор повести врач, однако термин из этой области всего лишь один: *атрофические изменения головного мозга*, он переводится классическим чешским термином из области медицины – *mozková atrofie*. Согласно З. Выходиловой, термины могут переводиться и с использованием генерализации, что мы также видим в переводе этого термина. (Vychodilová, 2013, s. 67)

Стракова указывает, что в художественном тексте термины характеризуют принадлежность персонажей к профессии. (Straková in Kufnerová, 1994, s. 94) И так как один из персонажей судья, в ходе судебного процесса встречается очень много терминов из юридической области, при переводе которых нам пришлось консультироваться с юристом. В повести встречаются следующие термины: *прокурор*, переведённый как *státní zástupce*, или *ходатайство* – *žádost*. Проблемным оказался перевод термина *младший советник юстиции*, так как юридическая система в России и Чехии отличается. После консультации с юристом мы пришли к решению перевести этот термин как *poradce*.

Следующая группа терминов входит в область религии. Компликации связаны с различиями в православном и католическом вероисповедании. В чешской среде более развита терминология католического вероисповедания, так как Чешская Республика принадлежит к католическим странам, в то время как для русскоязычной среды характерна православная терминология. Встречаются

помимо этого отличия в терминологии, которые на первый взгляд кажутся тождественными. История повести описывает повседневную жизнь, а поскольку в русской среде религия является чем-то естественным, религиозные термины присутствуют в повести, и русского читателя это не удивляет. Для чешской среды, в которой большинство населения атеисты, такое количество религиозных терминов может показаться неестественным. Однако данный факт наряду с отчеством может указывать на экзотичность среды повести. Из терминологии сферы религии можно привести следующие примеры: *пост, исповедь*, в переводе: *půst, zpověď*. Термин *рукоположен* мы перевели с помощью мультивербизации, когда однословное наименование переведено многословным (Vychodilová, 2013, s. 39), как *vysvěcen na kněze*. Термин *церковь* мы переводим как *kostel*, хотя правильнее бы было уточнить, что церковь это *pravoslavný chrám*, но в данном контексте мы решили, что уточнение будет лишним:

*Ксения верующая, ей легче. А его в церковь — не тянет, нет: (...)* (О, с. 81).

*Ksenija je věřící, tak to má jednodušší. Ale jeho to do kostela netáhne (...)* (П, с. 60).

При переводе мы столкнулись и с религиозным термином из области ислама — *аятолла*, что на чешском языке — *ajatolláh*.

### 2.1.1.2. Морфолого-синтаксический уровень

Данный уровень в основном предполагает признаки разговорного русского языка.

#### Порядок слов в чешском и русском языках

Чешский и русский языки относятся к славянским языкам, в которых существует свободный порядок слов. Тем не менее это не означает, что в этой области нет никаких правил. (Křížková in Moravec, 1953, s. 280)

#### Следующее разделение составлено согласно публикации П. Адамеца. (Adamec, 1966, s. 43 – 45)

Различия между порядком слов в русском и чешском языках зачастую связаны с проблематикой актуального членения предложения: в чешском языке новая информация (рема) ставится, как правило, в самый конец предложения, между тем как в русском языке, особенно разговорном, рема часто бывает на предпоследнем месте.

Примеры:

*Голос низкий: Роксана по-вашему, — больше от нее ничего и не слышали.* (О, с.75)

*Hlas má nízký: „Po vašem Roksana,“ to bylo všechno, co se od ní dozvěděli.* (П, с.52)

*Сказала ей: Старайся, мужа себе найдешь. (...)* (О, с. 75)

*Ksenija jí řekla: „Snaž se a najdeš si manžela.“* (П, с. 52)

*Сник парень, пиво не допил, ушел.* (О, с. 75)

*Mladík se vytratil a ani nedopil pivo.* (П, с. 52 )

*Верочка его навещала, видите ли, книжки читала вслух.* (О, с. 76)

*Věročka ho navštivovala, no podívejte, četla mu knížku.* (П, с. 54)

*Ничего не придумал умней. Роксана не вышла к нему, правильно сделала.* (О, с.76)

*Nic chytřejšího si vymyslet nemohl. Roksana za ním nešla a dobře udělala.* (П, с. 53)

Следует отметить, что в русском языке рема в эмоционально окрашенных высказываниях может переноситься в начало предложения, что используется, например:

*Живет, говорит, как эта, как птичка.* (О, с. 78)

*Říká, že tam žije jako ptáček.* (П, с. 55)

— *У учителя знаешь какие дела творятся?* (О, с. 78)

*„Víš, co se děje u toho učitele?“* (П, с. 56)

*Будет часовня, готовь решение!* (О, с. 78)

*Karle bude, připrav rozhodnutí!* (П, с. 56)

*Жидкову: — Выпуску принеси.* (О, с. 76)

*„Přines propouštěcí zprávu,“ povídá Židkovi.* (П, с. 54)

*Идея возникла у Верочки — обращать несчастных людей к прекрасному: к музыке, живописи, красоте.* (О, с. 73)

*Věročka dostala nápad přivádět nešťastné lidi ke krásnu, k hudbě, malířství, ke kráse.*  
(П, с. 49)

Часто в разговорном стиле встречаются согласованные определения, не стоящие перед определяемым существительным. Это связано с градацией компонентов.

Примеры:

*Ладно бы только папашу своего недодделанного жалела.* (О, с. 81)

*Kdyby litovala jenom toho svýho neschopnýho fotra.* (П, с. 59)

*Heset Roksaně nové papky průhledné — меню все захватанные, надо менять.*  
(О, с. 75)

*Nese Roksaně nové průhledné desky, menu už je zapatlané, tak se musí vyměnit.* (П, с. 53)

*Все-таки — второй секретарь, не колхозник задрипанный, надо прошлое уважать.* (О, с. 77)

*Přece jenom je druhý tajemník, žádný bezvýznamný kolchozník, minulost se musí ctít.*  
(П, с. 54)

*Голос низкий: «Роксана по-вашему», — больше от нее ничего и не слышали.* (О, с. 75)

*Hlas má nízký: „Po vašem Roksana,“ to bylo všechno, co se od ní dozvěděli.* (П, с. 52)

В русском языке в отличие от чешского встречается обмыкание –возможность вставлять между согласованным определением и существительным другие развивающие члены.

Примеры:

*Хорошие, говорит Жидков, книжки, а какие — не помнит уже.* (О, с. 76)

*Hezké knížky, říká Židkov, ale jaké, to už si nepamatuje.* (П, с. 54)

*Был когда-то секретарем райкома, начальником, по здешним меркам, большим.*  
(О, с. 72)

*Kdysi byl tajemníkem okresního výboru, na zdejší poměry velké zvíře.* (П, с. 49)

### Позиция сказуемого на первом месте в предложении

В чешском языке глагол редко встречается на первом месте в предложении (кроме случаев, когда в предложении отсутствует подлежащее).

В русском языке такая позиция сказуемого встречается довольно часто, так как на первое место в предложении ставится слово с основным значением (обычно это происходит в разговорной, эмоциональной речи). К примеру, сказки очень часто начинаются с глаголов. (Křížková in Moravec, 1953, s. 281, 282)

Примеры:

*Слабеет вера в человека, а значит — и в Бога. (О, с. 68)*

*Víra v člověka slábne a to znamená, že slábne i víra v Boha. (П, с. 44)*

*Был социализм, и Ксения служила, как все — верила и не верила. (О, с. 74)*

*Když byl socialismus, Ksenija tu sloužila. (П, с. 51)*

*Задолжал ей Господь Бог, крепко задолжал. (О, с. 74)*

*Pán Bůh je jí dlužen, velmi dlužen. (П, с. 51)*

*Улыбается все-таки: всех вас, весь ваш женский коллектив — с праздником! (О, с. 68)*

*Ale přece jenom se usmívá: „Vše nejlepší celému vašemu kolektivu!“ (П, с. 44)*

### Позиция инфинитива

Инфинитив в русском предложении ставится на первое место в том случае, если на него ставится ударение, что очень характерно для разговорной речи. В чешском предложении инфинитив чаще всего находится в конце предложения. (Křížková in Moravec, 1953, s. 283)

Примеры:

*Сдавать стал немножко в последнее время, облез, в область ездит обследоваться. (О, с. 78)*

*V poslední době ale nevypadá dobře, vypelichal, jezdí do oblastního centra na vyšetření. (П, с. 56)*

*Спиться мне не грозит, я не переносу алкоголя, а сочинять — пробовал, как всякий бы, наверное, в моем положении. (О, с. 68)*

*Propadnout alkoholu mi nehrozí, nesnáším ho, ale zkoušel jsem psát, asi jako každý, kdo by se ocitl na mém místě.* (П, с. 45)

### **Уровень текста**

В повести встречается несколько типов текстов, отличающихся друг от друга стилистической характеристикой. Курсивом выделено писание на литературном языке, с более длинными предложениями, в которых не так часто встречаются разговорные выражения, как в остальном тексте. Сама повесть состоит из коротких предложений, написанных литературным языком, но с множеством разговорной лексики и синтаксиса, типичного для разговорной речи. Этот особый стиль автора мы старались сохранить, но на уровне синтаксиса сделать это было сложно, так как связность текста на чешском языке сильно пострадала бы, поэтому при переводе мы пытались строить короткие предложения с целью приблизиться к тексту повести.

При создании смысловой цельности и связности текста возникли некоторые проблемы в области когерентности, т. е. связности на уровне содержания, и особенно в области когезии – связности на уровне формы, текста.

Примеры:

*Ксения филологию не одобряла, хотела Верочку сделать юристом: заработок, работа на фирме, замужество с иностранцем.* (О, с. 72)

*Ksenija nepovažovala filologii za důležitou, chtěla mít z Věročky právníčku, měla by dobrý plat, práci ve firmě, provdala by se za cizince.* (П, с. 49)

*Подробностей ее гибели я не знаю и не желаю знать. Общежитие, квартиры, испорченные ленинградские мальчишки, жестокие, остроумные, с кем-то она расставалась, с кем-то сходилась.* (О, с. 73)

*Podrobnosti o její smrti nevím a ani vědět nechci. Ale představuji si kolej, byty, špatné, kruté a chytré chlapce z Leningradu, s některými z nich se rozcházela, s některými zase scházela.* (П, с. 49)

*Ксения — духовный вождь, аятолла, очень набожна, Пашиа-дурачок — когда-то выборный, только давно у нас не проводят выборов, главу назначают теперь депутаты, а судья — он просто самый богатый, фамилия у него забавная —*

*Рукоусев, половина земель вокруг города — рукоусевские, вот такая история.* (О, с. 73)

*Ksenija je duchovní vůdce, ajatolláh, velice pobožná, Paša je hlupáček, kdysi zvolený, ale volby se u nás už dávno nekonají, hlavu jmenují poslanci. A soudce, ten je jednoduše ten nejbohatší, má legrační příjmení Rukodávek, půlka pozemků kolem města patří jemu. Takhle to tady chodí.* (П, с. 50)

По словам З. Выходиловой, одним из средств, помогающих создавать когезию, является эллипсис. (Vychodilová, 1995, s. 39) «Эллипсис – это контекстуально или ситуативно обусловленная нереализация конститутивного члена схемы предложения». (Vychodilová, 2011, s. 127) В отличие от неполных предложений, для эллипсиса не требуется ни контекст, ни ситуация, чтобы выяснить происходящее, отмечает Валгина. (Валгина, 2003, s. 199)

### **Виды эллипсиса**

Для русского языка эллиптические предложения характерны в большей мере, чем для чешского, что подтверждают примеры из повести. Мы приводим разные виды эллипсиса, встречающиеся в повести «Камень, ножницы, бумага», вместе с чешским переводом.

В русском разговорном языке можно встретить следующие виды эллипсиса (Vychodilová, 2011, s. 128):

### **Эллипсис глагольного предиката**

*Черт, осторожней надо.* (О, с. 75)

*Sakra, měla by být opatrnější.* (П, с. 52)

*Vsě na něj, vše na Ksenii: город, дом, бизнес.* (О, с. 75)

*Všechno má na starosti Ksenija, město, dům, podnikání.* (П, с. 52)

*Летом таджиков больше требуется, а зимой — так, один-два.* (О, с. 75)

*V létě je třeba více Tadžiků, v zimě stačí jeden nebo dva.* (П, с. 52)

*— С праздником тебя, Роксаночка, с женским днем!* (О, с. 76)

„Všechno nejlepší ke Dni žen, Roksanečko!“ (П, с. 53)

*К лету, ведь сказано.* (О, с. 76)

*Už přece říkala, že začátkem léta.* (П, с. 53)

— *Не лечат меня. Другим — капельницы...* (О, с. 76)

„*Nelécí mě tady. Jiným dávají kapačku...*“ (П, с. 54)

*К главврачу: так, чтобы каждый день капельницы, дважды в день.* (О, с. 77)

*Říká primáři, že každý den bude dostávat kapačku, dvakrát denně.* (П, с. 54)

— *Он ничего вроде, — заявляет Паша. — Кристинка моя у него.* (О, с. 78)

„*Zdá se, že je v pohodě,*“ *namítá Paša, „učí moji Kristýnku.* (П, с. 55)

*Мантю в шкаф, а оттуда гитару и еще — рюмки и коньячок.* (О, с. 80)

*Talár dává do skříně, ze které vyndává kytaru a ještě panáky a koňak.* (П, с. 58)

— *Учитель что ли? Ладно тебе, с какого пути?* (О, с. 80)

„*Myslíš učitele nebo co? Ale prosím tě, jaká cesta?* (П, с. 59)

*Главврач остается сзади: «Я у себя, если что».* (О, с. 76)

„*Kdyby něco, budu u sebe.*“ (П, с. 53)

*Но уж вы никому, Ксеничка Николаевна, народ у нас, сами знаете...* (О, с. 68)

*Ale nikomu ani muk, Kseničko Nikolajevno, víte přece, jací lidé jsou...* (П, с. 44)

### **Эллипсис дополнения**

*Пахомова, интересно, читала?* (О, с. 75)

*Zajímalo by ji, jestli to Pašomova četla.* (П, с. 52)

*Давно не видела.* (О, с. 76)

*Dlouho ho neviděla.* (П, с. 53)

*Сколько вешишь?* (О, с. 76)

*Kolik vážíš?*“ (II, с. 53)

### **Эллипсис обстоятельства**

— *Заберешь меня?* (О, с. 76)

„*Vezmeš mě odsud?*“ (II, с. 53)

### **Парцелляция**

По словам Валгиной: «Парцелляты – коммуникативно самостоятельные единицы, присоединяемые к базовому предложению». (Валгина, 2003, s. 258)

К бессоюзным присоединительным конструкциям относятся конструкции парцеллированные, стремящиеся «передать интонации и акцентированность живой речи». ([http://pedlib.ru/Books/6/0262/6\\_0262-496.shtml](http://pedlib.ru/Books/6/0262/6_0262-496.shtml)) Валгина упоминает, что парцеллированные конструкции имеют собственную предикативность, «(...) и поэтому расчленение повышает смысловую ёмкость высказывания». ([http://pedlib.ru/Books/6/0262/6\\_0262-496.shtml](http://pedlib.ru/Books/6/0262/6_0262-496.shtml)) Кроме того, «они способны передать очень тонкие смысловые и экспрессивные оттенки значений». (Валгина, 2003, s. 265)

### **Примеры:**

*A часовню поставим за домом, вот тут.* (О, с. 75)

*A kapli postavíme tady za domem.* (II, с. 52)

*Souseda podvinem. On gorodu cужой человек. Стихи, проза. Разберемь, кто ему его прозу заказывает, и с заказчиками разберемь.* (О, с. 75)

*Souseda posuneme. On je pro město cizí člověk. Ty jeho básně, próza. Zjistíme, kdo si objednává tu jeho prózu, a vyřídíme si to s ním.* (II, с. 52)

*Худая, высокая, аккуратная, не такая, как все, совсем не такая. Длинные черные волосы. Очень красивая.* (О, с. 75)

*Je hubená, vysoká, upravená, je jiná než ostatní, úplně jiná. Má dlouhé černé vlasy, je velmi krásná.* (II, с. 52)

*Тогда еще, в августе, приходил какой-то, искал ее. Из москвичей. Сказал: русскому языку детей его учит.* (О, с. 76)

*Tenkrát ještě v srpnu přišel někdo z Moskvanů a hledal ji. Řekl, že učí jeho děti ruštinu. (П, с. 53)*

*Под его ответственность. Под личный контроль. Говнюка этого к Жидкову не подпускать. Ваших женицин — с праздником. (О, с. 77)*

*Na jeho odpovědnost. A osobně na to bude dohlížet. Toho podělance k Židkovi nepouštějte. Vaším ženám vše nejlepší. (П, с. 54)*

*Лучше боулинг, считает Паша. Боулинг будет более востребован. (О, с. 78)*

*Radši bowling, myslí si Paša. Po bowlingu bude větší poptávka. (П, с. 56)*

*Больница — администрация — суд. Все близко, пешком. (О, с. 76)*

*Nemocnice, radnice a soud jsou blízko sebe, dá se mezi nimi přecházet pěšky. (П, с. 53)*

*— Нет, не угадаешь. Андропов это. Юрий Владимирович. (О, с. 82)*

*„Ne, to neuhádneš. Andropov je to. Jurij Vladimirovič. (П, с. 60)*

К синтаксису также относится авторская речь с речью прямой и полупрямой. Речь полупрямая, или как её называет Валгина «несобственно-прямая речь» (Валгина, 2003, s. 385), появляется в повести довольно часто. Она является «особым способом передачи чужой речи, который содержит в себе особенности как прямой, так и отчасти речи косвенной». (Валгина, 2003, s. 385)

Примеры:

*Заморочил он ей голову. Чьи стихи? Его?*

*— Нет, не угадаешь. Андропов это. Юрий Владимирович. (О, с. 82)*

*Popletl jí hlavu. Čí jsou to verše? Jeho?*

*„Ne, to neuhádneš. Andropov je to. Jurij Vladimirovič. (П, с. 60)*

*Стук. Ксения утирает слезы. Это еще что за явление Христа народу?*

*Исайкин! (О, с. 82)*

*Někdo klepe. Ksenija si utírá slzy. Co je to za zjevení? Isajkin! (П, с. 60)*

*Где убили? На кухне? Что Паша делал на кухне? Ага, вот и кровь. Ужас какой! Чем его? А, ножом. Накурили-то, накурили! Мужчины, курите на улице, — надо взять ситуацию под контроль. А Роксана где? Где Роксана? (О, с. 82)*

*Kde ho zabili? V kuchyni? Co dělal Paša v kuchyni? Jo tady, je tu krev. To je strašný! Čím ho zabili? Jo, nožem. Tady je tak nakouřeno! Pánové, jděte kouřit ven. Musí vzít situaci do svých rukou. A kde je Roksana? Kde je Roksana? (П, с. 61)*

*— Ксюха, насеку у меня купи, а?*

*Пошел ты со своей насекой! (О, с. 77)*

*„Ksjucho, kup moji včelnicí.“*

*Jdi někam se svojí včelnicí! (П, с. 54)*

Что касается морфологии, то обязательно требуется следить за разницей в частоте, а также функцией использования морфологических явлений в обоих языках. Как подчеркивает Илек, грамматические средства также могут затруднять перевод, несмотря на то, что в русском и чешском языках почти те же грамматические категории, они могут использоваться в разных стилях. (Пек in Moravec, 1953, s. 86)  
Отличия выявились в следующих случаях:

А) Использование фреквентативов (многократный способ действия) в чешском языке – частое явление в отличие от русского, в котором фреквентативы считаются устаревшими.

*(...) я человек нестарый и несемейный, мы устраиваем литературные вечера, дом у меня большой. (О, с. 69)*

*Jelikož nejsem starý ani ženatý a mám velký dům, pořádáváme literární večery. (П, с.45)*

Б) Использование деепричастий и причастий, которые в русском языке привычны, а в чешском рассматриваются как устаревшие. (Žaža, 1999, 43) Именно по этой причине Илек указывает на то, что перевод причастий и деепричастий является сложным процессом в переводе. В таких случаях приходится опускать причастия, но не всегда, иногда их можно оставить. (Пек in Moravec, 1953, s. 105)

*Конечно, мне хочется уважения, но, проходя мимо класса, я не остановлюсь под дверью послушать, что обо мне говорят. (О, с. 74)*

*Samozřejmě chci, aby mě respektovali, ale když půjdu kolem třídy, nezastavím se u dveří poslechnout si, co si o mě říkají. (П, с.51)*

*Боялся ли совершить хищение, женясь на ней? (О, с. 74)*

*Bál jsem se snad spáchat zlodějinu, kdybych se s ní oženil? (П, с.51)*

В) Употребление релятивов – устойчивых слов или словосочетаний, которые употребляются как ответ в разговорном диалоге. (Земская, 2011, с. 101)

*Как-то дернулась, и уж зажегся огонь так огонь, будьте-наме. (О, с. 75)*

*Trhla sebou a takový oheň se jí zapálil v očích, to byste koukali. (П, с. 52)*

*Ишь ты, какой говорок. (О, с. 76)*

*Podívejme, jak mi to mluví. (П, с. 54)*

*— Женился бы он... Ишь, — усмехается Ксения, — женилку отрастил. (О, с.73)*

*„Prej by se oženil... Podívejme,“ ušklíbá se Ksenija, „jak se tu zapalujou lejtka. (П, с. 50)*

### **2.1.2. Прагмалингвистический уровень**

Прагмалингвистика – наука, выбирающая наиболее подходящие языковые средства, чтобы воздействовать на читателя. (Матвеева, 2013, с. 23) В эту главу мы включили перевод реалий, фразеологизмов или аллюзий, а также название повести, поскольку именно при их переводе важную роль играет прагмалингвистический аспект.

Прагматическими отношениями называются отношения между текстом и рецептором, когда текст влияет на читателя, воздействует на его чувства. На такие отношения влияет не только прагматика текста, но и читатель – его знания, опыт и т.д. (Комиссаров, 1990, s. 209, 210)

Важно отметить, что в прагматике перевода большую роль играет переводчик. Всё зависит от того, как на переводчика, который выступает в качестве читателя, повлияет исходный текст. При этом переводчик-читатель должен обладать теми же знаниями из области реалий, истории данного языка и т.д., что и писатель.

Переводчик должен оставаться прагматически нейтрален. Кроме того, при переводе переводчик решает проблемы, связанные с тем, что читатель перевода принадлежит к другой культуре с другой историей. Переводчик старается устранить эти проблемы с помощью дополнений и объяснений, чтобы «обеспечить понимание исходного сообщения Рецептором перевода». (Комиссаров, 1990, s. 211)

Известный ученый Швейцер уделял особое внимание тому факту, что «процесс перевода «пересекает» не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры». (Швейцер, 1988, s. 14)

По мнению Бархударова, в связи с прагматикой перевода наиболее часто приходится переводить имена собственные, культурно-бытовые реалии (Бархударов, 1975, s. 125), с которыми мы столкнулись и в нашем переводе.

Говоря подробно о культурно-бытовых реалиях, мы выяснили, что самое большое отличие в восприятии чешской и русской среды видно в религии. Российская Федерация – сильно верующая страна, и даже для тех, кто является атеистом, религия является частью культуры. А в чешской среде большую часть составляют атеисты, и среднестатистический читатель воспринимает религию в литературе совершенно по-другому. Поэтому и восприятие чешским читателем таких мест в повести, как *Стоят со свечками, крестятся. Ну, поклоны не бьют, не хватало еще...* (О, с. 81), не сходится с восприятием читателем российским, так как в Чешской Республике в костёлах крестятся, но поклоны не бьют. „(...) *stojí se svíčkami, křižují se. Ale hluboce se neklaní, to by tak chybělo...*“ (П, с. 60)

Или следующий случай также воспринимается чешским читателем по-другому.— *Не дай себе засохнуть, Ксюша! Лимончик порежь, огурчики вот, маслинки, рыбку. Второй день поста, эх, будет что рассказать на исповеди.* (О, с. 80) „*Ne abys vyschla, Ksjušo! Nakrájej citrón, okurky, olivu, rybu.*“

*Druhý den půstu, ach jo, to teda bude mít o čem vyprávět u zpovědi.* (П, с. 58)

#### 2.1.2.1. Реалии

Конечно же, как и в каждом художественном переводе перед нами возникла проблема «передачи национального (...) своеобразия и колорита». (Vychodilová, 2013, s. 60) С точки зрения З. Выходиловой, перевод реалий можно осуществить

несколькими способами: транскрипцией, переводом с использованием калькирования, заменой или адаптацией реалий, допускается также перевод с описанием или с комментарием. (Vychodilová, 2013, s. 61)

Левый считает, что перевод реалий зависит также от того, насколько переводчик может предположить информированность читателя об иностранной среде. (Levý, 1998, s. 99) Его мнение разделяет и Грдличка, который предупреждает, что на характер перевода влияет «культурная подготовленность» принимающего перевод общества. Переводчик должен это учитывать. (Hrdlička, 2003, s. 45) Об этой же проблеме упоминал и Виноградов (Виноградов, 1978, s. 156), поэтому мы старались сохранить русские реалии, но при этом минимизировать количество слов, которые, как мы предполагали, не будут знакомы чешскому читателю.

Например, слово *пельменная* мы хотели перевести с помощью экспликации, т. е. заменять лексическую единицу словосочетанием. (Vychodilová, 2013, s. 45) Мы полагали, что чешскому читателю наверняка знакомо понятие *пельмени*, но не заведение, в котором они продаются, поэтому мы хотели перевести на чешский язык как *bufet s pelmeněmi*. В конечном счёте мы выбрали вариант *pelmeňárna*, который, как нам кажется, лучше подходит для нашего перевода.

Большой интерес вызвало выражение *портвейшок «Три самёрки»*. Этот напиток, известный из времён СССР, мы перевели как *portské vínečko Tři sedmičky*, где из контекста понятно, что речь идёт о названии вина.

В случае со словом *Белокаменная* нам пришлось уточнять, что речь идёт о Москве, поскольку для чешского читателя это понятие неизвестно. Мы использовали способ добавления новой информации, которая дополняет отсутствующую. (Vychodilová, 2013, s. 45)

Некоторые реалии, которые, как мы предполагаем, знакомы чешскому читателю из русской среды, мы переводим транскрипцией, к примеру, *эсерка, народоволка, колхозник* в переводе звучат следующим образом: *eserka, narodovolka, kolchozník*.

Определённые сложности вызвал перевод выражения *сестринский пост*, так как больницы в Российской Федерации и в Чешской Республике устроены по-разному. В чешских больницах нет сестринского поста, лишь сестринская комната, поэтому

мы решили перевести сестринский пост как *sesterna*. Данный случай представляет собой передачу безэквивалентной лексики, которую пришлось перевести приближенным переводом, т.е. «подысканием ближайшего по значению соответствия» (Vychodilová, 2013, s. 54), о котором в своей работе говорит и Грдличка. (Hrdlička, 2014, s. 94) Мы уверены в том, что этот приём не нанес большого ущерба для нашего перевода.

Что касается перевода должностей, то в нашем случае их точный перевод необязателен, главное назвать должность, которую занимает один из героев повести. Например, главу районного законодательного собрания мы переводим не как *hlava zákonodárného shromáždění*, а как *předsedkyně místní samosprávy*.

В повести читатель сталкивается с понятиями, отсылающими к трём религиям – христианство, иудаизм и ислам. Это особенно заметно в игре, в которую в своих представлениях играет учитель с учительницей. На чешский язык её удалось перевести лишь частично, так как не все реалии, на которых основана игра, знакомы чешскому читателю, но примечательно то, что нам удалось сохранить принцип этой игры.

Еврейские свадебные песни *Песнь песней* звучат на чешском языке как *Píseň písni*, мультипликационный фильм «Сказка сказок» также существует в чешской среде как *Pohádka poháde*, *Святая святых* на чешском языке звучит как *Nejsvatější svatyně*, что частично позволяет сохранить принцип игры. *Конец концов* мы перевели с малой неточностью как *koneckonců*, чтобы это слово подходило к «правилам» этой игры. *Конец молитвы веки веков* в молитве на чешском языке звучит как *věky věků*. Два понятия из игры пришлось опустить: фразеологизм *сорок сороков* и художественный фильм «*Суета сует*», которые в переводе на чешский язык утратили бы смысл, на котором построена игра. В целом, принцип игры был нами передан.

Из вышеприведённых примеров мы видим, что в тексте перевода встречаются экзотизмы, которые являются словами, которые подчёркивают локальную информацию и передают национальный колорит, информируют читателя. (Виноградов, 1978, s. 98) Как пишет Виноградов, «окказиональные заимствования воспринимаются как иностранные слова и благодаря этому выполняют не только

номинативную функцию, называя реалии, но и художественную, помогая воссоздавать национальный колорит подлинника». (Виноградов, 1978, s. 99)

#### **2.1.2.2. Название**

Перевод названия имеет огромное значение, так как часто в нем отражена вся сущность произведения. Как пишет Куфнерова, на перевод названия произведения влияет также мода данного времени. В современном переводе сохраняются принципы функциональной эквивалентности. (Kufnerová, 1994, s. 149) Сложно не согласиться с Богуславом Илеком, который считает, что автор также тщательно подбирал название, поэтому не стоит зря отклоняться от оригинала. (Pek in Moravec, 1953, s. 86, 87)

Модестов утверждает, что в названии произведения находится ключ к его пониманию, и оно является уго визитной карточкой. Кроме того, он разделяет заглавия на информативные, символические и рекламно-коммерческие. (Модестов, 2006, s. 129) Название нашей повести относится к символическому типу заглавия.

К сожалению, научных работ, посвященных этой проблематике, встречается не так много, но при этом перевод названия важен так же, как и перевод произведения.

Перевод названия повести «Камень, ножницы, бумага» не представлял больших проблем, так как одноимённое название игры известно и в чешской среде – *Kámen, nůžky, papír*.

#### **2.1.2.3. Фразеологизмы**

Фразеологизмы могут характеризоваться национальными особенностями, обладать различной экспрессивной окраской, приобретать дополнительный смысл под влиянием контекста, принадлежать к различным функциональным стилям. Перевод фразеологизмов – сложный процесс, так как их приходится не переводить, а подставлять то, что в конкретной ситуации говорится в конкретном языке. (Straková in Kufnerová, 1994, s. 85) По словам В. Страковой, переводчик должен выбрать адекватный фразеологизм, а если его не находится, то можно фразеологизм описать, применить компенсацию и т.п. В этом случае переводчику помогают фразеологические словари (Kufnerová, 1994, s. 86), например, «*Rusko – český frazeologický slovník*» профессора Л. Степановой, в котором нам удалось

найти почти все фразеологизмы из повести «Камень, ножницы, бумага», которых было немалое количество.

Стоит также обратить внимание на «типы межъязыковых фразеологических эквивалентов» (Stěpanova, 1995, s. 27, 28), с которыми мы столкнулись:

### **Полные эквиваленты**

Первый фразеологизм, находящийся в повести, происходит из латинского языка - Ad meliora tempora.

*Лето закончится, и — до лучших времен: дайте знать, когда соберетесь к нам в Белокаменную.* (О, с. 71)

*Léto skončí a na lepší časy, dejte vědět, až se rozhodnete zavítat k nám do bělokatenné Moskvy.* (П, с. 48)

### **Частичные эквиваленты**

*Кто ее сбил с пути — представление имеешь?* (О, с. 80)

*„Máš představu o tom, kdo ji přivedl na špatnou cestu?“* (П, с. 58)

*Она излагает: часовня, вот планы, дело за малым — земля.* (О, с. 77)

*Ksenija vysvětluje: „tady jsou projekty kaple, zbývá už jen maličkost a tou je pozemek.“* (П, с. 55)

### **Фразеологические аналоги**

*Метр с кепкой, а гонору!* (О, с. 75)

*Malý pívo to je, ale jak se povyšuje!* (П, с. 52)

*До Паши доходит, как до жирафа.* (О, с. 78)

*Raša má dlouhé vedení.* (П, с. 55)

*Как в воду глядел мужик.* (О, с.82)

*Jako by to četl z hvězd, ten chlap.* (П, с. 60)

*Паша — выпускник летного училища, низенький, шеи нет, голова большая, а остальное все — маленькое-маленькое. Смех и грех.* (О, с. 77)

*Paša je absolventem leteckého učiliště, je nizoučký, nemá žádný krk, hlavu má velkou a ten zbytek opravdu velmi malý. Je to k smíchu i k pláči. Je to k smíchu i k pláči. (П, с. 55)*

*Но судья-то как раз, говорят, человек незлой. То ли дело Ксения: рассказывали, как она увольняет своих таджиков. (О, с. 73)*

*Ale říká se, že zrovna soudce není zlý člověk. Ale Ksenija, to je jiný kafe, povídá se, jak propouští z práce ty své Tádžiky. (П, с. 50)*

*Верочку вот надеялась в люди вывести... (О, с. 80)*

*Doufala, že Věročku postaví na vlastní nohy.... (П, с. 58)*

*Скучно тебе, ты и маешься. Успокойся, Ксюш. (О, с. 81)*

*Nudíš se, tak tě pálí dobré bydlo. Uklidni se, Ksjušo. (П, с. 59)*

### **Безэквивалентные фразеологизмы**

*Паша, Ксения и судья всё и прибрали к рукам. (О, с. 73)*

*Paša, Ksenija a soudce si tak všechno přivlastnili. (П, с. 50)*

*— Где ее подпись? Нету! Всё, филькина грамота! (О, с. 83)*

*„Kde je její podpis? Žádný není! Je to neplatný!“ (П, с. 61)*

*Проще всего разговоры разговаривать. (О, с. 74)*

*Nejjednodušší je nic nedělat. (П, с. 52)*

*Стоят со свечками, крестятся. Ну, поклоны не бьют, не хватало еще... (О, с.81)*

*„A teď stojí v prvních řadách se svíčkami, křižují se. Ale hluboce se neklaní, to by tak chybělo...“ (П, с. 60)*

*Перемелется, время лечит. (О, с. 81)*

*Bude to zase dobrý, čas léčí. (П, с. 59)*

*Похудели вы без Ксении Николаевны, осунулись. Ничего, на казенном поправитесь. (О, с.79)*

*Zhubli jste bez Ksenije Nikolajevny, jste nějaký seschlí. Ale to nic, v base přiberete. (П,*

с. 56)

#### 2.1.2.4. Аллюзии

Аллюзии играют важную роль среди единиц, передающих фоновую информацию. В тексте аллюзии могут быть выражены с помощью известных имен или названий, фрагментов пословиц, крылатых выражений, частей фраз, отсылающих к прецедентным текстам, культурно-историческим реалиям. С этой точки зрения аллюзии всегда представляют сложность для переводчика, так как для начала их нужно найти, узнать в тексте, что не всегда просто, потому как эта область тесно связана с культурой исходного языка и зависит от кругозора переводчика.

#### Ссылки на литературные произведения

Почти все аллюзии на литературные произведения находятся в повести в письме учителя литературы. Так как литература, аллюзии на которую имеются в повести, в основном классическая, чешскому читателю она известна, но в некоторых случаях нам приходилось использовать для перевода добавления информации.

Виликовски разделяет аллюзию на литературную и нелитературную и говорит, что трудно чётко разделять эти два понятия, так как чёткой границы нет. (Vilikovský, 1989, s. 100) Также Виликовски указывает на то, что раскрытие аллюзии в переводе менее эффективно из-за малой информированности читателя, поэтому переводчику часто приходится вставлять пояснения. (Vilikovský, 1989, s. 103)

Согласно Виликовски, самой большой проблемой в переводе является не столкновение языков, а столкновение культур. (Vilikovský, 1989, s. 107)

Произведение Иоганны Шпюри «Хайди: годы учения и странствий», название которого приводится в повести Осипова, на чешский язык переведено как «Heidy, děvčátko z hor». Данный перевод, к сожалению, очень отличается от названия на русском языке и тем самым нарушает плавную аллюзию, которая наблюдается в повести «Камень, ножницы, бумага».

*Годы учения и странствий — так это называется?* (О, с. 69)

*Roky učení a putování, tak se to dá nazvat?* (П, с. 45)

Автор ссылается и на автобиографический роман немецкого писателя

Г. Я. К. фон Гримельсгаузена «Затейливый Сиплициус Симплициссимус». «Как вам экскурсия?» — спрошу я ее, и она мне ответит не очень впопад, но так, чтобы я распознал цитату: «Затейливо». (О, с. 69) Название этого романа на чешский язык переведено как «Dobrodružný Simplicius Simpicissimus», поэтому мы *Затейливо* переводим как *Dobrodružný*.

„*Jak se vám líbila prohlídka?*“ *zeptám se jí a ona mi odpoví ne úplně trefně, ale tak, abych rozeznal citát: „Dobrodružné.“* (П, с. 45)

В повести находится аллюзия на фрагмент из «Пушкинской речи», написанной А.С. Блоком: «В этих веселых истинах здравого смысла, перед которым мы так грешны, можно поклясться веселым именем Пушкина.» ([http://dugward.ru/library/pushkin/blok\\_o\\_naznachenii.html](http://dugward.ru/library/pushkin/blok_o_naznachenii.html)), а в нашем варианте мы читаем следующее: *А я закончу: «Ни веселым именем Пушкина».* (О, с. 69)

*A já to ukončím: „Ani při veselém Puškinově jménu.“* (П, с. 46)

Далее в повести встретился фрагмент из произведения Л.Н. Толстого «Война и мир», II том, *Я полюбил вас с той минуты, как увидал вас.* (О, с. 69)

„*Zamiloval jsem se do vás v okamžiku, kdy jsem vás poprvé uviděl.*“ (П, с. 45)

Стих Ю.В. Андропова «*Да, все мы смертны, хоть не по нутру*» не переведен на чешский язык, поэтому нам пришлось его перевести.

В повести также находится ссылка на произведение Ф.М. Достоевского через пристава следственных дел Порфирия, героя романа Раскольников и Соню.

*Порфирий — единственный, у кого нету фамилии, а вот спас же Раскольникова, он и Соня спасли его, справедливость и милосердие* (О, с. 72)

*(...) je Porfirij jediný, kdo nemá příjmení. No ale Raskolnikova přece zachránil, on a Soňa ho zachránili. Spravedlnost a milosrdenství, (...)* (П, с. 49)

Отрывки из произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин» встречаются в повести:

*(...) Он в том покое поселился, / Где деревенский старожил...* (О, с. 71)

*vybral si komnatu, kde strýček / starostatkářsky zarytý* (П, с. 47)

*Их разговор благоразумный / О сенокосе, о вине, / О псарне, о своей родне. (...)* (О, с. 71)

*úvahy páni živých duší / o senoseči, o vodce / o psincích, o mších za otce.* (П, с.47)

*(...)Татьяна в тишине лесов / Одна с опасной книгой бродит...* (О, с. 71)

*když s knihou tajných dopisů / celé dny lesem bloudí...* (П, с.47)

*(...)Вздыхает и, себе присвоя / Чужой восторг, чужую грусть...* (О, с. 71)

*v překotném rytmu cizích vět / stesk vydechuje jejich slovy* (П, с.47)

Фрагмент из произведения А.С. Пушкина «Город пышный, город бедный» также упомянут в повести.

*скука, холод и гранит* (О, с. 72)

*město útisků a zrad* (П, с. 49)

Есть также отрывок из сочинения А.А. Ахматовой: *(...)Но ни на что не променяем пышный, / Гранитный город славы и беды... (О, с. 72) a přese nikdo z nás opustit nechce / žulové město triumfů a hrůz...* (П, с. 49)

Кроме всего прочего, в повести упоминаются такие произведения, как «Гроза», «Катя Кабанова», «Анна Каренина».

*А сочинение ее по «Грозе» — вообще самое интересное, что я об этой пьесе читал: про Катю Кабанову и Анну Каренину.* (О, с. 72). *А со теprve její sloh o Bouři, to je to nejzajímavější, co jsem kdy o téhle divadelní hře četl, o Kátě Kabanové a Anně Karenině.* (П, с. 49)

Можно также встретить цитату из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»:

*Тех, кому уже некуда больше идти.* (О, с. 73)

*Ты, kteří už nemají vůbec kam jít* (П, с. 49)

### **Ссылки на песни**

Примечательно то, что повесть «Камень, ножницы, бумага» изобилует названиями песен: «*Наши паровоз вперед летит*», песня А. Градского «*Как молоды мы были*», на которую в повести находится ссылка: *Как молоды мы были... Он и теперь пробует обнять Ксению, она мягко высвобождается.* (О, с. 80). *Jak jen*

*jsme byli mladí... I teď zkouší Kseniji obejmout, ale ona jemně uhýbá.* (П, с. 58)

Следующую песню, положенную на стихи М. Цветаевой «Уж сколько их упало в эту бездну...», поют герои: *Уж сколько их упало в эту бездну, разверстную вдали!* (О, с. 81) *Pořád se někdo ztrácí: byl tu zatím – dál je svět bez něho!* (П, с. 59)

В рассматриваемой нами повести мы нашли ссылку и на художественный фильм «Осенний марафон», известная фраза из которого *Тостуемый пьет до дна* здесь приводится: — *С праздничком тебя, с женским днем! Тостуемый пьет до дна* (О, с. 80). „*Všechno nejlepší k svátku, ke Dni žen! Ten, na koho se připíjí, pije do dna.*“ (П, с. 58)

Сохранить все многообразие аллюзий, представленных в произведении, не получилось, так как чешскому читателю некоторые песни абсолютно не знакомы.

Отсылки к Библии мы переводили, используя чешский экуменический перевод Библии, поскольку он является более современным и понятным для читателя. В повести аллюзия к Библии встречается в следующих местах:

1) *Учительница нахмурится: «Не клянитесь ни небом, ни землею».* (О, с. 69)  
„*Nepřísahajte ani při zemi, ani při nebi.*“ (П, с. 45)

2) *«По делам их узнаете их»* (О, с. 74). *Po jejich činech je poznáte.* (П, с. 51) А в Библии написано: *«По плодам их узнаете их»* (<http://www.patriarchia.ru/bible/mf/7/>)

3) *«Сила Моя в немощи совершается», — и что, расслабиться и получать удовольствие?»* (О, с. 74)  
„*V slabosti se projeví má síla.*“ *A co jako, to se má člověk uvolnit a užívat si?* (П, с. 51)

4) *«Ох, люта смерть грешников!...»* (О, с. 74)  
„*Ach, bídná je smrt hříšníků!*“ (П, с. 51)

### 3. Перевод повести

#### Kámen, nůžky, papír

novela

V naší době je život klidný. Městečko ve středním Rusku leží mimo železnici a hlavní silnici. Je tu řeka i chrám.

V centru tohoto města je dům Kseniji Nikolajevny Knyš. Dům je to jednopodlažní, ale velký. Patří jí také pelmeňárna u domu. Knyš je předsedkyní místní samosprávy. Je jí padesát sedm let.

Je ráno, úterý, 7. března. Ksenija Nikolajevna stojí na zápraží s ředitelkou střední všeobecně vzdělávací školy Pachomovou. Pachomova drží v rukou přání a žluté květiny:

„Ksenijo Nikolajevno, přeji vám zdraví, štěstí, blahobyt a mnoho let pro blaho města!“

Ksenija přikyvuje, ale dál ji nezve. Pachomova má v deskách listy.

„Pachomova, zase něco potřebujete?“

„Ale jděte! Ve sborovně byla v počítači psaní vašeho suseda. Nyní je přece všechno na počítači, pokochejte se. Podle mě by se neměla jen tak někde nechávat. Ale nikomu ani muk, Kseničko Nikolajevno, víte přece, jací lidé jsou...“

„Podívám se na to,“ říká Ksenija přísně.

Ale přece jenom se usmívá: „Vše nejlepší celému vašemu kolektivu!“ A jde domů číst. Soused je nepřítel. Modlete se za své nepřátele. Ale jo, modlí se, den co den...

*Je mi čtyřicet let a cítím se dobře, ale po čtyřicítce už se smrt nepovažuje za předčasnou, a tak musím načerpat síly a zapsat to. Myšlenky mám vtíravé a nedomyšlené... Čtyřicet let. Víra v člověka slábne a to znamená, že slábne i víra v Boha. Proč to všechno, proč? Jako bych seděl zády k dění a koukal se z okna, ve kterém je jen minulost, pouze minulost. Není čtyřicítka důvodem pro vypořádání se s minulostí?*

*Jsem učitel ruského jazyka a literatury, nejsem ženatý a nemám děti. Celý svůj život, kromě toho na Kalininské univerzitě (nepříjemný, zapomenutý sen), žiji v tomto městě. Krása se zde projevuje jako pochmurná ruská krása. Pokud není vidět to, co vytvořil člověk, je tu velmi krásně. Už tu asi zůstanu navždy, tady jsem se narodil, tady i zemřu. Když jsem byl mladý, tak mě pomyslení na to trápilo, ale teď už ne. Žije se mi ovšem*

*trochu osaměle, hlavně v zimě, kdy v pět už je úplná tma a člověk hned přichází o to, co dělá jeho život úplným, o řeku, stromy, sousední domy. Propadnout alkoholu mi nehrozí, nesnáším ho, ale zkoušel jsem psát, asi jako každý, kdo by se ocitl na mém místě. „Po přečtení z toho budou paf,“ takové jsou počátky mé „tvorby“. Ale kdo by z toho měl být vlastně paf? Několik učitelů, to je celá naše inteligence. Lékaře ani kněží člověk za inteligenci považovat ani nemůže. A ženy v naší škole jsou nevýrazné, jakoby něčím zatížené a většinou vdané za bezvýznamné úředníky. „Jaký je průměr Země?“ ptá se kluků učitel zeměpisu. „Nevíš? To je špatné. Země je naše matka.“ Tento vtip opakuje už asi dvacet let, ale nikdo, včetně učitelů, se neobtěžoval zjistit odpověď. Proč? Nikam nejezdíme, Země se nám nezdá kulatá. A učitel zeměpisu brzy zemře na rakovinu. Tady se ví všechno o všech, hlavně to špatné.*

*„Odsloužím vojnu, odsedím si trest...“ řekl nedávno zasněně jeden vesnický chlapec, když jsme se s ním bavili o jeho budoucnosti. Roky učení a putování, tak se to dá nazvat? Většina kluků z mých prvních maturitních tříd už není mezi živými. Důvodem jsou drogy, obchodování, konflikty. Nejdříve mě to mrzelo, ale teď, sice to zní děsivě, už jsem unavený, abych je litoval, zvykl jsem si. Většina děvčat vyvázla se zdravou kůží, každý rok se několik mých absolventek dostane na univerzitu nebo na akademii do Tveri, Jaroslavle, a dokonce i Moskvy. Děvčata mi jsou sympatičtější, navíc se sama chtějí zalíbit. Jelikož nejsem starý ani ženatý a mám velký dům, pořádáváme literární večery. Říkáme tomu literární čtvrtky, vše je ale velmi nevinné, čaj, básně a próza. Rád se raduji a rád dělám radost ostatním. Dokonce ani smutná, velmi smutná příhoda Věročky Židkové mě nezměnila.*

*Máme řeku, ale nemáme železnici, na desítky kilometrů daleko. Říká se, že to škodí průmyslu. Ale železnice přece nepředstavuje svobodu, ale zlo. Jak jen ji nenáviděl Tolstoj a jak ji milovali bolševici, kteří zpívali Naše lokomotiva letí vpřed. A tak podobně. Brzdná dráha lokomotivy je jeden a půl kilometru. To má být vtip? To takový automobil, to je něco jiného. Kéž bych ho tak měl! Řízení bych už nějak zvládl. Sedl bych si za volant a vydal bych se do Puškinských Hor nebo do Boldina, chvíli bych brouzдал po posvátných místech, a kdo ví, třeba bych tam potkal učitelku, svobodnou, osamělou. Občas když nemohu usnout, vymýšlím si dialogy s ní. Je to dětinské? Tak ať. „Jak se vám líbila prohlídka?“ zeptám se jí a ona mi odpoví ne úplně trefně, ale tak, abych rozeznal citát: „Dobrodružné.“ Ale brzy se přiznávám: „Zamiloval jsem se do vás v okamžiku, kdy jsem vás poprvé uviděl.“ Možná tedy ne takhle přímo, ale nějak podobně. Ona se zasměje, jako by tomu nevěřila. „Přisahám,“ řeknu. Učitelka se zamračí: „Nepřisahaňte*

ani při zemi, ani při nebi.“ A já to ukončím: „Ani při veselém Puškinově jménu.“ Po prohlídce památek pojedeme ke mně. Bez řečí. V autě si zahrajeme hru. „Píseň písní,“ řeknu. A ona řekne: „Pohádka pohádek.“ A já budu pokračovat: „Nejsvatější svatyně.“ A ona: „Koneckonců.“ A já: „Věky věků.“ A ona se po chvílce přemýšlení vzdá.

Hra se dá hrát jakákoliv, ale auto žádné nemám. Ale kdybych byl šikovnější, prodal bych polovinu svého pozemku (pozemek je velký a kromě plevele na něm stejně skoro nic neroste), přestavěl bych dům, a ještě by mi zbylo na auto. Pozemky se u nás v posledních letech zdrazily asi padesátkrát. Takže jsem zcela zaopatřený člověk, jenom neumím se svým majetkem naložit. Upřímně řečeno, ani se o to nijak zvlášť nesnažím. Venkovskému učiteli chudoba sluší. Je to tak? Žije se mi příjemně. Spíše nebezpečně, špinavě a zapáchá to tu, samozřejmě, že zapáchá, ale nebudeme to dál rozvádět.

Mám úžasné rodiče, vesnický chlapec (odsloužím – odsedím si) takové nemá. Má drsný život od narození, vyloupí obchod, ne kvůli tomu, že by měl hlad, ale aby dokázal svoji odvalu. Nebo se opije a s někým se popere. Jak se má někdo takový soudit? A co když znásilní spolužačku? A co když zabije člověka? Od jakého okamžiku začíná nést dítě odpovědnost za své činy a začíná vůbec někdy?

Před Novým rokem jsem na autobusové zastávce potkal jednoho velmi spoře oděného, asi šestiletého chlapečka. Přišel žebrat, myslím, že poprvé, a proto nevěděl, jak na to. Vzal jsem ho s sebou na vánoční besídku k chatařům, umyli jsme ho, přiblížili, dali mu různé věci. A šel jsem ho doprovodit domů. „To je náš byt,“ ukazuje. To byl teda pokoj, jenom žárovka pod stropem a železná postel, nic víc. A na ní, na hromadě hadrů, ležel nahý chlap, špinavý, opilý a zapáchající. Chlapa jsem přikryl, pokusil jsem se mu něco vysvětlit o synovi, o pytlech s věcmi, o tom, že je potřeba udržovat pořádek. A on se mě ptá: „Jsi pravoslavný?“ Zarazil jsem se, co je to za otázku? Chlap se posadil, zhoupal se u toho: „Jsi Rus?“ „Ano,“ odpovídám mu, „jsem Rus.“ „K čemu jsou ti tedy věci, pořádek? To já ne-po-tře-bu-ju nic.“ Ale proč? Jako by se tomu sám divil. A jeho syna jsem další den potkal opět na autobusové zastávce. Nepoznal mě a kvapem mi povídá: „V jakým já byl včera domě! Ty si teda žijou, Moskvaní! ... Pěkně si nakra-a-dli!“

To jsou děti. Ale dospělí na sebe úplně pozapomněli. Téměř nikdo si například nepamatuje telefonní kód našeho města. Nedáváme své číslo nikomu mimo město, necítíme se být součástí celku. Buddha, Sókratés, Tolstoj a já, obyvatel toho a toho městečka, s tím a tím telefonním číslem. Takhle by to mělo být, je to tak? Na hloubku lidového vědomí a na to ostatní věří už teď jenom chataři, místní se dívají na televizi. Ne kvůli únavě, ani ne proto, že by snad měli těžký život, ten je lehký, není hlad, ale proto,

*aby vyplnili tu mezeru, něčím se zabavili.*

*Vraťme se ke mně. Rodiče jsou naživu, oba dva jsou v důchodu. Táta učil angličtinu, máma učila na prvním stupni. Vnuků se ode mě nedočkali, tak se přestěhovali do Moskvy, tam jsou divadla, výstavy a žije tam má mladší sestra. Rodiče se milují a mají rádi i nás se sestrou. Vzpourey proti světu dospělých jsem nikdy neměl. Říká se, že mládí bez vzpoury není plnohodnotné, to si ale nemyslím.*

*Takže, blízcí jsou naživu a na seznamu mých ztrát je Věročka. Nejhlavnější a vlastně jediná. Už jsou to tři roky, co není mezi námi, ale vzpomínám na ni každý den, dokonce možná každou hodinu. Vždy, když narazím na živé, chytré slečny. A takové mezi mými studentkami jsou. Jedna se nedávno zeptala: „Když se čárky píší podle pravidel, třeba ta pravidla vůbec nejsou potřeba?“ Proč mě samotného tato otázka nenapadla? „Musím se nad tím zamyslet,“ říkám jí, „musím se zamyslet.“ Díky takovým chytrým slečnám stojí má práce za to.*

*Abychom to uzavřeli s těmi chataři. Krátce před tím, než měla Věročka odjet, seděli jsme spolu na verandě a psali pro moji absolventku Polinu sloh k přijímacím zkouškám na nějakou nesmyslnou vysokou školu. Myslím, že to byla Akademie obsluhy. Berou tam každého a telefony na přijímačkách nechávají, takže jsme pili čaj a na přeskáčku posílali Polině textové zprávy. Téma bylo následující: „Duševní svět venkovských šlechticů v románu Evžen Oněgin.“ Předpokládalo se, že všechno, co píšeme, Polina dále rozvine.*

*Píšeme: „Tento svět je znázorněn v románu od druhé kapitoly po začátek sedmé. Oněgin sem prchá z velkého světa, z Petrohradu. Upřímná prostoduchost vesnických sousedů, vybral si komnatu, kde strýček / starostatkářsky zarytý, ... Zajímavosti: úvahy pánů živých duší / o senoseči, o vodce / o psincích, o mších za otce. Ti, co žijí na venkově, se odlišují jednoduchostí, spontánními zájmy, jednotvárným způsobem života a spíše zvykem než láskou. Nemají uspořádaný den, mnoho volného času: když s knihou tajných dopisů / celé dny lesem bloudí... U lidí, co mají duši, dochází k rozkvětu iluzorního světa: v překotném rytmu cizích vět / stesk vydechuje jejich slovy... Hlavní zvláštností venkova jsou chybějící opravdové zážitky v životě, zvláště u žen.“ Přesně takhle jsme to napsali: „zvláštností“ a „zvláště“, protože jsme spěchali. „Ještě?“ ptáme se. „Ano, ano, please!“ „Zodpovědný přístup k životním principům: Kdyby se Taťána narodila v Petrohradu, nedosáhla by takové opravdovosti ani při prvním vyznání Oněginovi, ani při těch následujících. Surovost a naivita tady nejsou stejné jako v hlavních městech. Oněgin žije podle zákonů, které panují v hlavních městech, ke kterým nepatří ani opravdovost, ani hloubka. Z nedbalosti zabijí Lenského a Taťanu dělá*

nešťastnou. Samozřejmě, že stejně jako v hlavním městě existuje i na venkově namyšlenost i hloupost i šaškování v otevřené, groteskní podobě. Takže by situace, „radíme Polině, „neměla být idealizována.“ Poděkovala nám, už to totiž musela přepisovat na čisto. A my jsme si s Věročkou pomysleli: Oněgin na vesnici, to je přece o našich chatařích, nebo ne?

Ti obyčejnější chodí ve vedru polonazí, v Moskvě se tak ale nechovají. Chataři, co jsou kultivovanější, se nechtějí nikoho dotknout, ale stejně to dělají. Lidé z Petrohradu se trochu liší tím, že mají jména a jména po otci, ale Moskvánům zůstala jen jména. Někde v hlavních městech obhajují disertační práce, vydávají knihy, děje se tam něco podstatného, spisovatelé se poplácávají po zádech. A tady, nemohou přece brát vážně tenhle milý, útulný, špinavý život. Povrchní zamilovanost a povrchní chování. Zastaví se po cestě od řeky u mě, ode mě půjdou do pelmeňárny, tam posedí, trochu se odvážou, jak se vyjadřuje dnešní mládež. Léto skončí a pak hurá na lepší časy, dejte vědět, až se rozhodnete zavítat k nám do bělokamenné Moskvy.

Já sám občas mívám návaly hrozné lenosti různého typu – duševní, duchovní, fyzické, ale nechci moralizovat, kéž bych tak zvládl aspoň ten svůj předmět, ale stejně ve mně jiné vzpomínky vyvolávají hroznou zlost. Bez ohledu na to, jak je život mnicha těžký, a bez ohledu na to, jak málo jsem ve svém životě poznal radosti ženské lásky, když se objevila Věročka, zřekl jsem se i toho mála, co jsem měl. Sloužit pro pobavení chatařek: venkovský učitel, nadšenec, pojďme, sblížíme se s ním, jak to, že je doted' nezadaný? ... Kdepak, toho se klidně vzdám.

Nyní něco o Věročce. Věročka byla natolik pěkná, že všichni muži, kromě těch nejhorších opilců, se zastavovali, otáčeli se za ní, a někteří za ní dokonce šli. Její gesta, pohyby jejích rukou, hlavy, ramen byly vždy ladné a obratné. V mé třídě studovala přibližně od čtrnácti let až do maturity. Já učím jenom vyšší ročníky. „Proč se píše ne se slovesem dohromady? Aspoň vy mi to vysvětlete!“ To bylo první, co jsem od Věročky slyšel. „Bylo by to mnohem jednodušší – ne chci, ne budu!“ Tenkrát jsem se na ni pozorně podíval a pomyslel si: je obětí klasickou? Nebo to teď jen zpětně analyzuji?

Věročka ke mně velmi tíhla. I já jsem Věročku miloval. Samozřejmě, že jsem ji miloval, ale také jsem ji přerušoval, když mi zkoušela vyznat lásku. Copak se k ní hodím? Je to studentka, a ten věkový rozdíl, navíc možná netíhla ke mně, ale k próze a poezii. „To máš, Věročko, z toho čtení a léčí se to také čtením,“ to je všechno, co jsem jí mohl říci. Ale na čaj ke mně chodit nepřestala. Bylo to snadné, protože jsme byli sousedé a den nebyl uspořádaný.

*Její matka Ksenija na Věročku žárčila, proto na třídní schůzky posílala otce, komunistu Židkova, tak jsme mu říkali, tenkrát už s nimi nebydlel. Kdysi byl tajemníkem okresního výboru, na zdejší poměry velké zvíře. Potom ho Ksenija opustila, on onemocněl, začal pít a byl celý nějaký šedivý, zsinálý, nedalo se s ním mluvit. Myslím, že už je teď mrtvý.*

*A jaké slohové práce psala Věročka o Dostojevském! Samozřejmě s trochou nadsázky, ale byly velmi dobře napsané. Pamatuji si téměř nazpaměť Porfirije, policejního inspektora, jemný lesk v očích, na to, jak se díváme, když zjistíme, že jsou také lidé, na to, že je Porfirij jediný, kdo nemá příjmení. No ale Raskolnikova přece zachránil, on a Soňa ho zachránili. Spravedlnost a milosrdenství, to jsou dva božské činy! A co teprve její sloh o Bouři, to je to nejzajímavější, co jsem kdy o téhle divadelní hře četl, o Kátě Kabanové a Anně Karenině. A o nemajetných, slabých mužích.*

*Každý učitel literatury sní o tom, že se jeho student stane opravdovým filologem, tak jsem poradil Věročce, aby se hlásila na fildu. Myslel jsem si, že do Moskvy, ale ona si vybrala Petrohrad. Tolik jsem to Věročce rozmlouval, město útisků a zrad, jak psal Puškin. Tolik jsem ji prosil přečíst si znovu toho Tolstého. Dcera vedoucích, navíc jediná, nebyla zvyklá na odmítnutí. Myslím, že dříve z takových jako Věročka vznikaly eserky a narodovolky... Ale ona se jen smála a recitovala Achmatovou: a přece nikdo z nás opustit nechce / žulové město triumfů a hrůz... Pro Věročku ale byl Petrohrad jen tou hrůzou.*

*Ksenija nepovažovala filologii za důležitou, chtěla mít z Věročky právníčku, měla by dobrý plat, práci ve firmě, provdala by se za cizince. Ke štěstí vedou snadné cesty. To víme, o tom jsme už slyšeli. Věročka matku samozřejmě nepomlouvala, jenom opakovala, že je jiná. Na univerzitu nešla hned (nerada prohrávala), ale celý rok se připravovala. Na literaturu samozřejmě se mnou.*

*Podrobnosti o její smrti nevím a ani vědět nechci. Ale představuji si kolej, byty, špatné, kruté a chytré chlapce z Leningradu, s některými z nich se rozcházela, s některými zase scházela. Petrohradský kulturní underground tvoří špatní kluci! Brzy od Věročky začaly chodit divné dopisy, jako by je nepsala ona. Jela do Petrohradu za vysokou kulturou, a dopadlo to tak, že opustila univerzitu a už to jelo, začala pomáhat ublíženým, zbídačeným. Věročka dostala nápad přivádět nešťastné lidi ke krásnu, k hudbě, malířství, ke kráse. Ty, kteří už nemají vůbec kam jít. Jak to mohla zvládnout? Mezi nimi jsou očividně různí týpci, převážně ti špatní. Říkalo se, že došlo i ke znásilnění, jedním z těch, o které se starala. Povídalo se kde co. Prý si vzala prášky, jed, kde by*

*Věročka vzala jed?*

*Ani na jejím pohřbu jsem nebyl. Naše ředitelka, Pachomova, to zařídila tak, abych ho nestihl. Poslala mě do oblastního centra na rekvalifikaci. Patrně mě litovala po svém. Církevní obřad pro Věročku otec Alexandr provádět odmítl, ale Ksenija si s ním samozřejmě poradila. Věroččinu smrt všichni těžce nesli, všichni. To je ono: člověk musí být živý, a já byl slušný. Měl jsem se s ní oženit a pak bych ji pouštěl do Petrohradu nebo kamkoliv jinam.*

„Prej by se oženil... Podívejme,“ ušklíbá se Ksenija, „jak se mu zapalují lejtka. Slaboch je to. Tfuj,“ odtrhává se od čtení a mne si ruku.

Na ruce má tmavé znaménko porostlé chlupy. Z rozrušení znaménko pulzuje a svědí. Ksenija si ho zakrývá rukávem.

„Co je zas?“ Její manžel Isajkin je vysoký, shrbený: „Jdi otevřít, zákazníci čekají.“

Ubožák. Autoobchod patří také jí. „Slušné pneumatiky pro slušné lidi,“ to je celá Isajkinova práce. Slušné svíčky, oleje. Poslala by ho do háje, ale brali se v kostele. A to se nedělá. Co Bůh spojil... Bůh je jí stejně dlužen. Za dceru a za vše ostatní.

Musí ho dočíst, mizeru.

*Když už jsem začal mluvit o Kseniji, tak se musím vyjádřit i obecně o zdejší moci. K té se v našem městě dostali malí, oškliví lidé. Jsou nervní, ale ne kvůli tomu, že jsou oškliví, ale kvůli tomu, že se k moci dostali zlodějinou. Ale lidé je přijali, přijali. Ale kdo by u nás ve městě nebyl přijat? Nejdříve to byl komunista Židkov, teď je to Paša Cicin z místní samosprávy. A pokaždé vzniká otázka: třeba tenhle opraví silnice?... Paša, Ksenija a soudce si tak všechno přivlastnili. Ksenija je duchovní vůdce, ajatolláh, velice pobožná, Paša je hlupáček, kdysi zvolený, ale volby se u nás už dávno nekonají, hlavu jmenují poslanci. A soudce, ten je jednoduše ten nejbohatší, má legrační příjmení Rukodávek, půlka pozemků kolem města patří jemu. Takhle to tady chodí. Ale říká se, že zrovna soudce není zlý člověk. Ale Ksenija, to je jiný kafe, povídá se, jak propouští z práce ty své Tádžiky. Zdá se, že jí zlo dělá radost, jako té mládeži, co týrá kočky.*

*Uklízečka ve škole kradla peníze z našich kabátů, tak jsme se jí zbavili, ale neradi. Je to náš člověk, je taková jako my, ale snížila se ke krádeži. Ale kdyby Paša prohledával kapsy, hůře bych se k němu nechoval, přísahám. Paša je jiný. Ať už zlodějina nebo volby, je v tom snad velký rozdíl, když se moc vždy ocitá ve špatných rukách? Takže tak, jenom ostatní se zcela určitě zajímají, co si myslíme. Jak o nich, tak obecně o všem ostatním.*

*Náš kněz, kterému říkají Alexandr Třetí, před ním byli totiž ještě dva Alexandrové, je mladší než já asi o pět let. Na kněze byl vysvěcen podle pravidel a slouží asi správně, i když mu není rozumět ani slovo. Alexandr není uzurpátor, člověk se ho bát nemusí. I já, učitel, se také snažím, co mi síly stačí, dělat vše správně. Samozřejmě chci, aby mě respektovali, ale když půjdu kolem třídy, nezastavím se u dveří poslechnout si, co si o mě říkají. Ale kdybych své místo získal zlodějinou, určitě bych si to poslechl. A naši také budou poslouchat, nebo už to dělají.*

*Ale v podstatě, co bych se měl starat o vedení? Světlo svítí, voda teče. Ne vždy, sice s výpadky, ale teče. Ale jak to tam u nich chodí... Ale ne, to já jen abych přišel na jiné myšlenky a nemyslel na Věročku. Čeho jsem se tenkrát lekl? Báł jsem se snad spáchat zlodějinu, kdybych se s ní oženil? To jsou chabé výmluvy. Náš život tady by samozřejmě nebyl nemožný... Kdybych se nelitoval, řekl bych, že jsem se lekl lásky a trápení, která jsou s ní spojena. V horším případě starostí... To pokud bych se nelitoval vůbec.*

Ksenija obrací poslední stránku. Kéž bys tak zdechnul! Odpusť, Bože. Dceru jste mi vzali, stát rozvrátili. To je vše, co jste dokázali udělat, chytráci.

Když byl socialismus, Ksenija mu sloužila. Jako ostatní, věřila i nevěřila. Tenkrát byl stát, byla dcera. Lidé měli vzory, něčeho se báli. Když socialismus skončil, stát se rozpadl a objevily se nové cíle. Ksenija všechno pochopila správně, dala pokřtít sebe i dceru, pomohla obnovit chrám. Po jejich činech je poznáte. A co jako? Dcera jí zahynula. Není ani dcera, ani stát. To je teda odměna. To není schopna pochopit.

Pán Bůh je jí dlužen, velmi dlužen. Ona svůj dluh zná. Svou práci dělala doteď a bude ji dělat i dál. A žádné jistoty neočekává. Řekla, že obnoví chrám. Tak to splnila. Slíbila kapli. I kaple bude. Komu to slíbila? To není důležité. Městu, všem, sobě to slíbila. Úplný ajatolláh.

Plán kaple je dohodnutý s Alexandrem Třetím. Ten jen krčil rameny: „Stejně lidé do chrámu nechodí. Radši koupíme zvony.“ Chodila znovu a znovu, dokud neuviděla následující scénu: kněz sedí před televizí a jí zelí. Z televize jsou slyšet hrozné nadávky, křik, střílení! Zkoušel zavtipkovat: „Ach, bídná je smrt hříšníků!“ Zachytila jeho provinilý pohled. „Takže takhle vypadá v pátky vaše pokora, otče!“ Jezdila s dárky k jeho blahorodímu archijereji. Kněze teď má v hrsti. Znaménko ji začalo znovu svědit. Má moc starostí.

Kněz je ňouma. Není schopen pořádně odpovědět ani na jednu otázku. „V slabosti se projeví má síla.“ A co jako, to se má člověk uvolnit a užívat si? Copak je v slabosti síla?

Nejjednodušší je nic nedělat. Díky Kseniji to ještě všechno funguje, a ne díky knězi nebo učiteli.

A kapli postavíme tady za domem. Teď přesně ví, kde má kaple být. Souseda posuneme. On je pro město cizí člověk. Ty jeho básně, próza. Zjistíme, kdo si objednává tu jeho prózu, a vyřídíme si to s ním. Zajímalo by ji, jestli to Pachomova četla. Asi ano. Sakra, měla by být opatrnější. Člověk musí brát ohled na různé zmetky. Ještě k tomu ten cvok Paša. Malý pivo to je, ale jak se povyšuje! „Sám starosta vám to slibuje.“ Všechno má na starosti Ksenija, město, dům, podnikání. Nemá sílu to utáhnout, ale co se dá dělat? Je to její dluh a kříž, který musí nést.

Pelmeňárna je otevřená následovně. Od května do září je hodně chatařů, tak otevíráme terasu. Od října do dubna chodí lidé obyčejnější, ti naši. Vaří se tady i východní strava, jako čorba, manty, pilaf. Máme i postní jídla. A teď, v době Velkého půstu, je i postní menu. Ale základem všeho jsou pelmeně z velkoobchodního trhu. Pokud už se jim blíží datum spotřeby, dají se koupit velmi levně.

Stálí pracovníci jsou dva, pokladní a kuchař, jsou to ruské ženské, které jsou příbuzné Isajkina, na všechno ostatní jsou tu Tádžikové. Oni mají také datum spotřeby, jsou jednorázoví. Zkušební doba je tři měsíce. Pokud se ti něco nelíbí, sbal si saky paky a padej, čus. Dokud jsou ve zkušební lhůtě, tak jim nemusí Ksenija platit, zato mají ubytování a stravu. Jednomu, co si popálil ruku, dokonce zavolali záchranku. V létě je třeba více Tádžiků, v zimě stačí jeden nebo dva. Mimochodem, Tádžikové bývají také různí. Jedna si zvykla.

Jmenuje se Roksana Ibragimova, je jí třicet pět let. Hlas má nízký: „Po vašem Roksana,“ to bylo všechno, co se od ní dozvěděli. Co je to za jméno? „Roksana“, „Oksana“, „Ksana“ – no téda, jsou téměř jmenovkyně. Je hubená, vysoká, upravená, je jiná než ostatní, úplně jiná. Má dlouhé černé vlasy, je velmi krásná. Ksenija jí řekla: „Snaž se a najdeš si manžela. Láska prochází žaludkem.“ Začala se smát, ale Roksana se na ní podívala tak, že hned ztichla. Na okamžik se jí zapálil ohýnek v očích, a hned zase zhasl.

Co znamená tenhle ohýnek, pochopila Ksenija později. Mladík z benzinky, co také není Rus, pil na terase pivo. Když mu ho Roksana podávala, zkusil natáhnout ruku a dotknout se jí: „Slešno...“ Trhla sebou a takový oheň se jí zapálil v očích, to byste koukali. Vyhrkla ze sebe jen pár divných zvuků. Mladík se vytratil a ani nedopil pivo. Ksenija stála u dveří, všechno viděla, tenkrát se rozhodla, ať pracuje, bude jí platit.

Takže Roksana je tady od srpna, žije v komoře, za kuchyní, v teple. Má asi čtyři metry volného prostoru, ale ona ani moc věcí nemá.

Nese Roksane nové průhledné desky, menu už je zapatlané, tak se musí vyměnit.

„Zvládneš přendat listy?“ Roksana zvedá oči a mlčky nepatrně hýbe řasami.

Ona dělá všechno mlčky. Tenkrát ještě v srpnu přišel někdo z Moskvanů a hledal ji. Řekl, že učí jeho děti ruštinu. Nic chytřejšího si vymyslet nemohl. Roksana za ním nešla a dobře udělala.

A s těmi listy si poradí, ona si poradí se vším. Musí jí přidat. Táhne ji to k ní. Škoda, že si s ní člověk nepopovídá.

„Všechno nejlepší ke Dni žen, Roksanečko!“

Ta se ani nediví, nekývá, jednoduše nijak nereaguje.

Nemocnice, radnice a soud jsou blízko sebe, dá se mezi nimi přecházet pěšky.

V nemocnici je její bývalý, Židkov. Už je tady půl roku. V domě se netopí, není nikdo, kdo by na to dohlédl. A jaké jsou možnosti, dát ho do ústavu? Ale vždyť už mu moc nezbyvá... V létě, jestli se dožije, půjde domů.

Židkov zas něco vyvedl, nepozorovaně proklouzl na sesternu a zavolal záchranku: „Je mi špatně, nemohu dýchat!“ Přitom záchranka je hned tady dole.

Vychází primář a utírá si pusou, v nemocnici už se slaví.

„Ksenijo Nikolajevno, nechcete si to poslechnout? Všechny hovory v záchrance se nahrávají.“ Proč by to měla poslouchat? Jdeme za Židkovem. Vše je tak zanedbané, kdy budeme dělat rekonstrukci, co?

Primář zůstává vzadu: „Kdyby něco, budu u sebe.“ Židkov sedí na chodbě, celý žlutý, seschlý. Dlouho ho neviděla.

„Tak co, žiješ? Kolik vážíš?“

Tak padesát kilogramů, víc ne. Vzala mu něco k jídlu.

„A ty, Ksjucho, tak osmdesát, ne?“

Ale ne, sedmdesát pět až sedmdesát sedm, pořád stejně.

Židkov se dívá prosebně, něco si usmyslil. Samozřejmě, že je jí ho líto. Na druhou stranu, všichni jednou umřou.

„Vezmeš mě odsud?“ Už přece říkala, že začátkem léta.

„Začátkem léta... Začátkem léta už budu s naší Věročkou. I když by komunisté neměli věřit na takové...“

Mohou. Nyní všichni mohou věřit. Komunista! Takový stát se jim podařilo pro... Ale

dnes už dost o Věročce, už stačilo. Věročka ho navštěvovala, no podívejme, četla mu knížky. Hezké knížky, říká Židkov, ale jaké, to už si nepamatuje.

„Neléčí mě tady. Jiným dávají kapačky...“

Po chodbě jde sestra. Ksenija otáčí hlavou: „Zavolejte ošetřujícího lékaře.“

Je nějaký mladý, nový, čist'ounký, to není po našem.

„Už jsem vašemu manželovi vše vysvětlil. Promiňte, vašemu bývalému manželovi. Ne, výhradně operace. Ano, do Moskvy, my operace srdce neděláme. V oblastním centru je také nedělají. Jaká je jistota? Jaké jistoty očekáváte? Samozřejmě, že riziko existuje. Řekněme... deset procent. Ale pravděpodobnost úmrtí na nemoc je sto procent. Chápete?“

Podívejme, jak mu to mluví. Ksenija povídá klidně:

„Oblastní odborníci na to mají jiný názor. A vůbec, jakápak operace v jeho věku.“

„Přines propouštěcí zprávu,“ povídá Židkovi.

Židkov ani nemůže pořádně chodit, udělá dva kroky a hned se dusí. Ksenija ho předbíhá, vchází do dvoulůžkového pokoje, na sousedním lůžku s Židkovem leží nějaký páchnoucí stařec. Nemohli mu dát samostatný pokoj? Přece jenom je druhý tajemník, žádný bezvýznamný kolchozník, minulost se musí ctít. Přehrabuje se ve skřínce, je cítit hrozný smrad, ale to není od starce, jsou to zbytky pelmeňů, které mu posílala. Židkov se konečně došoural:

„Ksjucho, kup moji včelnici.“

Jdi někam se svojí včelnicí! A, tady je to: „Léčba v místě trvalého bydliště.“ Lékař se na to netváří, kdo napsal tuhle hloupost? Oni se tam v tom nevyznají... No zato ty se vyznáš, co? Zase začíná něco vysvětlovat. Ona už to nevnímá, neposlouchá ho. Najednou zase začíná vnímat.

„... s operací může žít, jakkoliv dlouho. Téměř jsme ho přesvědčili. A vy byste neměla být součástí problému, ale měla byste být součástí jeho řešení.“

Tak to už je příliš! Říká primáři, že každý den bude dostávat kapačky, dvakrát denně. Na jeho odpovědnost. A osobně na to bude dohlížet. Toho podělance k Židkovi nepouštějte. Vaším ženám vše nejlepší.

„Vám také, Ksenijo Nikolajevno, hodně zdraví!“

„Je Pavel Andrejevič u sebe?“

„Ano, je, pro vás vždycky, Ksenijo Nikolajevno, pro vás vždycky.“

Co je to za hloupý úsměv? To proto, že on to ví.

Před pěti lety přišla za Pašou, který se nedávno ujal funkce, poblahopřát mu, popřát dlouhá léta práce pro blaho města. Sama Ksenija ho sem přivedla. Byl to obyčejný hoch, hlavně, že byl jedním z místních (z místních, plus jeho děda bojoval ve válce, Paša je vnukem vojáka, to jsou všechny jeho trumfy). Popovídali si o všem možném a najednou ji začal strkat do vedlejšího pokoje: „Podíváme se na film o mně?“ „Jaký film?“ „Uvidíš, Ksenijo Nikolajevno, zajímavý.“

V pokoji byl gauč a okna byla zatažená. Paša se na ni vrhl zezadu, jak ho učili kamarádi, ženy mají sílu rády. „Co to děláš, Pašo?“ „Balím tě.“ „Radostí ses zbláznil, nebo co? Jsem přece skoro babička. Holky ve městě vymřely?“ Paša trochu ustoupil a zavrtěl hlavou: „Já teď ale potřebuju postavení.“ A znovu se do ní pustil. Dobrá, budeš mít postavení, šakale. Vteřinku, otoč se. Paša je absolventem leteckého učiliště, je nizoučký, nemá žádný krk, hlavu má velkou a ten zbytek opravdu velmi malý. Je to k smíchu i k pláči. Láska trvala čtyřicet vteřin a od té doby se neopakovala, ale ve městě se ví, že Ksenija s Pašou jsou milenci.

Paša podepisuje pohlednice k MDŽ, chce se mu? Vždyť existuje kopírka. Ne, všechno dělá sám, workoholik.

„Vůbec se nešetříš, Pavle Andrejeviči.“

„S čím jsi přišla?“ ptá se. „Ale jen tak, na kus řeči.“ Paša se začíná tvářit státotvorně.

„Tak jo, Ksenijo Nikolajevno, probereme to.“

Ksenija vysvětluje: tady jsou projekty kaple, zbývá už jen maličkost a tou je pozemek. S církví je vše dohodnuto, kapli potřebují. Ale její soused se roztahuje na patnácti arech, prakticky v centru města.

„Zdá se, že je v pohodě,“ namítá Paša, „učí moji Kristýnku. Říká, že tam žije jako ptáček.“

No jasně, jako ptáček. Zpěváček. A cítí se dobře.

Paša je najednou celý napnutý:

„Jak je to tam... s programem: duchovní obrození, slovanské písemnictví...“

Od kdy jsme se začali zajímat o písemnictví, Pavle? Dáme tvému ptáčkovi městské bydlení, tím spíš jestli to je v rámci programu. Paša má dlouhé vedení. „Domy přece hoří, vždyť jsi pracoval jako hasič!“ nejradši by vykřikla Ksenija Nikolajevna, ale o takových věcech se nesmí bavit ani s ním.

„Myslela jsem, že jsi chlap. Vždyť jsi mi to minulý týden slíbil!“

„Promiň, Ksenijo Nikolajevno, ale minulý týden je minulý týden a tenhle týden je tenhle týden.“

„Kam na to chodíš?“

To slyšel na oblastním vedení. No jo, Paša teď přece bývá v oblastním centru pořád. To je konec. Slepá ulička. Ví Paša vůbec, co je to kaple? Paša bručí:

„Nevidím, tu, logistiku.“

Radši bowling, myslí si Paša. Po bowlingu bude větší poptávka.

„Jakýpak bowling?“ Vždyť jsi přece státnická osoba, Pašo.

„Stát, Ksenijo Nikolajevno, je pojem relativní.“

Uraženě sedí. Asi se naštvál kvůli tomu vedení. Vždyť mu to může být jedno...

Najednou dostala nápad:

„Víš, co se děje u toho učitele?“ zapáleně vypráví. Ptáček zacvrliká, zacvrliká a pak nakálí. Přímo za jejím domem postavil hnízdo neřesti. O dceru strach nemáš? ... mluví ještě a ještě, vyndává kapesník, přibližuje si ho k očím. „Chceš, aby ona? ...“ Aby i ona?

Paša se zamýšlí.

„Dobrá, vyřídíme to s tím blbcem.“ Už se to tak mělo udělat dávno! „Přijdeme tomu na kloub. Kaple bude, připrav rozhodnutí! Pojd', dáme jednoho malého, Ksenijo Nikolajevno, vše nejlepší k svátku, zdraví, hodně sil a lásku ti přeju!“

Důstojníci pijí vestoje. Bože, jak ten už ji štve, sakra.

Soud má spíše pro radost než pro podnikání. Soudce Jegor Savvič je veselý, rád zpívá, pracuje dobře, plynule, bez pauz v soudním řízení. V poslední době ale nevypadá dobře, vypelichal, jezdí do oblastního centra na vyšetření. „Atrofické změny mozku,“ ukázal jí výsledky svého posledního vyšetření. Ona se směje: „Nikomu to neříkej. Hlavně ne advokátům.“

Jediné, čeho v životě litovala, bylo to, že se nestala soudkyní. Pokaždé má mravenčení kůže, když se čte rozsudek, všichni stojí, soudce čte. To je ono. Před chvílí to sám napsal a fí, tři, pět, deset let.

Dnes budou soudit dva její bývalé Tádžiky. Propustila je ještě v září, teď něco staví, teda spíš stavěli. Hroznej národ, samí zločinci a výjimky jen potvrzují pravidlo.

Ráno bylo zataženo, ale teď je sluníčko. Než došla k soudu, úplně se rozveselila, koňak, co si dala s Pašou, na ni začal působit. A tady jsou, krasavci, u zadních dveří. Asi není moc pohodlný držet cigaretu oběma rukama? Zhubli jste bez Ksenije Nikolajevny, jste nějaký seschlí. Ale to nic, v base přiberete.

Jegor se už oblékl do taláru a přichází:

„Zahajujeme proces. Tady je to podomácku. Tak honem, kluci, ajn, cvaj, do síně.“ Pro

něj jsou všichni „kluci“. Vypadá to, že tyhle ani pořádně neumí rusky. „Ty pojď taky dál, Ksenijo Nikolajevno.“

Jako obvykle míří do vedlejšího pokoje, dveře jsou pootevřeny, takže je vše vidět i slyšet. Advokáti, oba dva podle padesátého prvního článku, zajišťují právo obhajoby, státní zástupce, tajemník, vypadá to, že jsou všichni přítomni.

„Povstaňte, soud přichází. Prosím, posaďte se,“ nikdo se nestihl ani pohnout. Otec Alexandr by se od něj měl učit, každou bohoslužbu roztahuje na dvě hodiny. Číslo případu, článek, jména obžalovaných – nejdou ani vylovit, státní obvinění podporuje poradce ten a ten, vyloučení soudce ani žádosti nejsou. Článek ústavy je obžalovaným vysvětlen. Obžalovací spis státnímu zástupci podává vsedě.

Na autobusové zastávce vzali tihle dva místnímu klukovi telefon. Pokud je známo, chlapců okradli několik a telefonů vzali také několik, ale na policii to nahlásil pouze jeden. A Tádžikové nebyli dva, ale tři, jeden utekl. V životě je všechno jinak než u soudu, je to méně organizované, a tím se jí soud líbí. Nikdo nepotřebuje ani Tádžika, ani telefony, ani poškozené, které na řízení člověk stejně nevytáhne. Tihle všichni jsou zbyteční.

Jegor mírně přikyvuje, jako do rytmu nějaké vnitřní hudby. Od advokátů je slyšet jen samé: „vstaň“, „odpovídej soudu“. První Tádžik s obviněním plně souhlasí, druhý jen částečně. Ano, první zasazoval poškozenému údery, kapsy mu prohrabával také on.

„Čím jsi je prohrabával, rukama?“ ptá se státní zástupce.

Čím se dá ještě prohrabávat? Rozumí vůbec obžalovaný, na co se ho ptají? Ksenija odhaduje jeho věk. Za školu by se chodit nemělo. Takový stát to byl!

Druhý Tádžik si je ruštinou jistější:

„Seděli jsme s Vitalikem a jedli Rolton.“

„Instatní polévky Rolton,“ skáče do řeči Jegor. „Reklamní pauza!“ otáčí se ke dveřím, ví, že je za nimi Ksenija.

„Za to tě nesoudí,“ vstupuje do toho advokát. „Bil jsi oběť? Vyhrožoval jsi jí? Kdo vyndával telefon?“

„O telefonu nic nevím. Byl jsem ve stavu alkoholického opojení.“ Advokát mávne rukou, prý, k čertu s tebou, sed’.

Výslech svědka trvá ještě minutu a půl, následná diskuse obou stran trvá dvě. Soud odchází na poradu. Zkusíme to uhádnout:

„Rok a tři? Teda obráceně, tři a rok?“

Jegor přikyvuje, přesně tak, ona to vždycky uhádne.

Ksenija jde do síně. Hlavní okamžik.

„Jménem...“ bum kladívkem, hotovo! „Odved'te odsouzené!“

Jegor je dobrý soudce, odvolání nemívá. Talár dává do skříně, ze které vyndává kytaru a ještě panáky a koňak.

„Ne abys vyschla, Ksjušo! Nakrájej citron, okurky, olivy, rybu.“

Druhý den půstu, ach jo, to teda bude mít o čem vyprávět u zpovědi.

„Všechno nejlepší k svátku, ke Dni žen! Ten, na koho se připíjí, pije do dna.“

V jeho očích jsou slzy, rychle se opil. Za starých časů, ještě v sovětské době spolu, jak se říká, *chodili*. Ksenija k němu chodila po práci, zavírali dveře, Jegor ji objímal a laskavě se jí ptal: „Hádej, Ksjušo, koho si teď vezmu?“ Jak jen jsme byli mladí... I teď zkouší Kseniji obejmout, ale ona jemně uhýbá.

„Možná mám to, sexuální vzplanutí?“

Ale jakýpak vzplanutí. Celý svůj život Jegor doopravdy miloval jednu ženu, Pugačovu Allu Borisovnu. „Kvůli téhle ženské,“ říkal, „bych zabil nevinného člověka.“ Na Ksjuše si cení hlavně její hlas.

„Zaspíváme si?“

„Nespěchej,“ prosí Ksenija. „Zaspíváme si později.“

Jegor se opírá o opěradlo gauče, mhouří oči:

„Tak o božském... Mám rád... Co to tam máte za číslo šelmy?“

Novinky se do našeho města dostávají pozdě. Ksenija začíná vysvětlovat: čarovej kód má tři šestky, jako na téhle láhvi, je ti to jasné? Takhle je to na jakýmkoliv výrobku.

„Ale k čemu jsou tyhle tři šestky? Nějak to nechápu.“ Jegor bere láhev a chystá se nalít.

To ona nemůže přesně říct.

„Nejspíš kvůli tí, synchronizaci...“

„Ha ha ha,“ směje se soudce. „Na synchronizaci máme Tři sedmičky!“ Portské vínečko. Chápeš?

Jegor je vtipný, je s ním příjemně a veselo. A proč by se neměl bavit? Peníze má, práci dělá užitečnou, zajímavou. Škoda, že se nestala právničkou. Doufala, že Věročku postaví na vlastní nohy... Vzpomíná na ráno a začíná se mračit. Musí říct Jegorovi o učiteli, ve městě, v jejich městě, je cizí člověk.

„Jegore, pamatuješ si moji Věročku? Máš představu o tom, kdo ji přivedl na špatnou cestu?“

Ten se baví, vtip s portským vínečkem se povedl.

„Myslíš učitele nebo co? Ale prosím tě, jaká cesta? Sama jsi říkala, že mezi nima nic nebylo.“

„Právě, že učitel. Měl radši učit. Místo těch literárních čtvrtků, básní a prózy...“

„Ksjušo, co to s tím má společného? ... Promiň, ale Věročka byla vždycky nějaká jiná. Kdyby litovala jenom toho svého neschopného fotra. Ale ona litovala všechny ty nešťastníky. Pamatuješ, jak přitáhla bezdomovce z ulice?“

„Ty víš taky, na co si vzpomenout, to byla Věročka ještě malá.“

„A učitele nech bejt. Nudíš se, tak tě pálí dobré bydlo. Uklidni se, Ksjušo. Bude to zase dobrý, čas léčí.“

„Teď mě poslouchej, Jegore. U nás ve městě je cizí člověk. Je jedno, jestli nepřítel nebo přítel, ale ve skutečnosti spíš nepřítel. Nebo někdo využívá situace. Ten tvůj učitel píše takový psaní, no prosím. Dám ti to přečíst, chceš?“

Jegor se ohání rukou: nemá snad svých papírů dost?

„Tvůj pozemek jim padl do oka,“ jakoby mezi řečí říká Ksenija, to je také umění to takhle říct.

Jegor umí být i vážný:

„Pozemek?! Komu?!“

„No komu... Cizí lidi přišli do našeho domu, Jegoruško. Cizí lidi!“

„Každej, kdo si troufá ohrozit... tu... no vždyť víš, svrchovanost, dostane co proto!“ Prásk! do konferenčního stolku. „My oba a naši, řekněme, otcové, dědové tuto zemi ubránili. Před Němci! Před Francouzi!“ Přemýšlí: „Před Poláky.“

Jegor celý zčervenal, hlavně jeho pleš.

„Jegoruško, vid', že mě podpoříš?“

Nemusela se ani ptát.

A je to, svěřila se a udělalo se jí líp. Gestem ukazuje, aby vzal kytaru, teď budou zpívat. Ona zvedá ruku a rozpouští si drdol. Vlasy má dlouhé, kaštanové. Ještě jednoho panáka.

„Zazpívej tu... Kam se všichni poděli...“

Ksenija se usmívá, ví, pro co má Jegor slabost. Předehra, a... *Pořád se někdo ztrácí: byl tu zatím – dál je svět bez něho!* Hlas má vysoký, čistý, to je nádhera!

Dozpívali, soudce hladí struny, je smutný. Taky začal přemýšlet o smrti. Je rozpačitý, dneska ráno vltlil do domu dva střízlíci. To je špatný znamení, přináší smrt. Ksenija ho uklidňuje:

„Střízlíci? To nic není, ty přináší peníze.“

Ksenija je věřící, má to jednodušší. Ale jeho to do kostela netáhne:

„Jak nás vychovávali? Že po smrti nic není. A teď stojí v prvních řadách se svíčkami, křížují se. Ale hluboce se neklaní, to by tak chybělo... No a ty, o co prosíš Boha?“

To nejsou rozhovory ke koňaku. O co se smí, o to taky prosí. O co svatí starci prosili...

„Dejme tomu, že by Bůh skutečně existoval. O co bys ho poprosila?“ Ona přemýšlí:

„Věročka už se nedá vrátit, stát taky ne... Asi aby mi bylo tak o dvacet až třicet let míň,“ usmívá se, ach jo... Ukaž, napijem se na všechno dobrý.

Už povídají nějak dlouho. Venku už je asi úplná tma.

„Podívej,“ Rukodávek sahá do portfeje pro lísteček, „básnička, ne ledajaká.“ *Všichni jsme smrtelní, i když je mi proti mysli / Tato skutečnost, a není nic horšího, než ona / Ale až nastane čas, stejně jako všichni, zemřu i já...* Pronikavě. O tom hlavním. Nechce se mu vstávat pro brýle, i tak si to pamatuje. *Život je jen okamžik, ne bytí na věky. / Tatatá něco takového, / Žijí a mizí lidé.* Jako by to četl z hvězd, ten chlap.

Popletl jí hlavu. Čí jsou to verše? Jeho?

„Ne, to neuhádneš. Andropov je to. Jurij Vladimirovič. Takhle je to. Lepší než nějaký... *Ale jsoucno, které se zrodilo v mlze / Nedá se zničit na cestě k úsvitu/ Jiné generace na Zemi / Nesou pořád dál životní štafetu.*“

Další generace, tfuj.

„Ty máš, Jegore, děti, vnuky, všechno je tak, jak má být.“ Pláče, je úplně opilá a celá v slzách. Takhle je to vždycky, když si člověk přihne v době půstu.

Někdo klepe. Ksenija si utírá slzy. Co je to za zjevení? Isajkin! Kape z něj pot, lapá po dechu:

„Už to víš?“

„Co vím? Kdo tě sem pustil? No!“

Stalo se neštěstí. Vražda. ZABILI PAŠU CICINA. Před chvílí. Ne jen tak někde, ale u ní v pelmeňárně!

TERORISTICKÝ ÚTOK! Proč o tom neinformovali hned? On sám to zjistil teprve před chvílí. „Hlupáku! Byl jsi tam? Isajkine, nejsi opilej? Dobrá, utíkej napřed, my tě dohoníme, nebo ne, počkej!“ Rukodávek už někam volá. Pojd', pojd'! Ukazuje se, že cesta je dlouhá. Nejen, že Jegor nemůže utíkat, nemůže ani rychle jít. Funí:

„A ty jsi říkala, že střízlíci znamenají peníze.“

V televizi teroristické útoky viděli: výbuchy, části těl, ale vedle pelmeňárny to vypadá, že je úplný klid. Obyvatelé jsou nenápadní a večer sedí doma. Tamhle odjela sanitka. V pelmeňárně jsou policisté a vyšetřovatel, na Kseniji se ale nedívají. Kde ho zabili? V kuchyni? Co dělal Paša v kuchyni? Jo tady, je tu krev. To je strašný! Čím ho zabili? Jo, nožem. Tady je tak nakouřeno! Pánové, jděte kouřit ven. Musí vzít situaci do svých rukou.

A kde je Roksana? Kde je Roksana? Policejní velitel, tlustý plukovník, se ptá: „Kdo? Ibragimova? Kde by měla být? Je ve vazbě. Zítra ji odvezou do oblastního centra.“

COŽE? TO BYLA ONA? Panebože! Ksenija začíná naříkat, ale hned přestává. Teď je jí to jasné. Paša ji zkoušel BALIT. A Roksana...! Ta to vyřešila, TO JE TEDA ODVÁŽNEJ ČIN!

„Jegoruško, proč do oblastního centra, proč? Musíš ji soudit ty, podle článku sto pět, část první.“

„Ty tví šikmooký dneska pořádně mákli, Ksjušo,“ uvažuje soudce. „Hlava místní samosprávy není žádná ovce. Novináři, tohlencto támhlencto. Chceš mít o zábavu postaráno? Já teda ne.“ „No jo, ještě si zívni!“ „Tady je to, řekněme, podle článku sto pět, druhý části,“ začíná si vzpomínat na kodex, „za první, je to mimořádně brutální zločin, za druhý byl spáchán, kdo ví, nejspíš, na základě národnostní nenávisti. Teď je to přísný.“

„Ještě řekni, že při plnění povinnosti,“ zlobí se Ksenija.

„Část druhá znamená, že ji povevou do oblastního centra. Hrozí jí od osmi do dvaceti let... Možná dvacet, možná taky ne, ale tu desítku to dá určitě.“

Ksenija Nikolajevna nemá železné nervy:

„Promiň, Jegoruško, ale za Pašu, jo? Za Pašu Cicina, za tuhle nulu DESET LET? Neblázni, Jegoruško! Zítra ti takovejch Pašů najdu sto. Jako promiň, vy jste spolu sice byli kamarádi, ale ten náš Paša měl pěkně černý svědomí.“ Na policajta: „Ukaž to sem, co jsi napsal, ty mizernej vyšetřovatel. Jegore, nepřekážej! Co to... HÁDKA PŘI NÁVZNI... ale houby! NÁHLE VZNIKLÝCH NEPŘÁTELSKÝCH VZTAZÍCH?! Dělej, piš, PŘI POKUSU O ZNÁSILNĚNÍ...“ Mne si ruku, která pulzuje tak, že má pocit, že jí za chvíli praskne kůže. „Kde je její podpis? Žádný není! Je to neplatný! Můžeš si to strčit někam...“

„Promiňte, Ksenijo Nikolajevno,“ urazil se policista. „Vy jste, tak říkajíc, vážená osoba...“

Kvůli jejímu hysterčení už je Jegor zase při vědomí, zas bere do ruky telefon: „Někomu se tu udělalo špatně!“ křičí. „Ale ne, co s tím má společnýho... Pošli sem,

sakra, zpátky tu svoji záchranku!“

Je to samozřejmě nepříjemné a stresující. Všude kolem je Pašova krev. Ksenija téměř ztrácí vědomí. Přece jenom je v něčem slabší než muži. Táhnou ji ke dveřím a polévají vodou, dávají jí čichnout k nějaké vatě. „Z naší praxe,“ uvažuje Jegor, „aby to bylo takhle poprvý a hned nožem, to není častý. Třeba sekerou, to jo... ale nožem je těžký zabít člověka. To vyvolává určité... Podřezával jsi někdy prase?“ Ksenija slyší ještě další hlasy: „Je ta ženská kost?“ „Ale prosím tě, vždyť je šikmooká.“ „Pavel Andrejevič si myslel, že je za vodou, vzali ho do oblastního centra.“ „To jo, nohama napřed...“

„No každopádně si o to Paša koledoval,“ shrnul to soudce. „Příbuzným jste to oznámili?“

Ksenija už je v pořádku. Vyšetřování v pelmeňárně skončilo, už se může uklízet. Ženský to udělaj. Jegor ji odvádí domů: „Dáme si ještě panáka, za zesnulýho?“ „Ano, ale teď už mě nech. Isajkine, ty se taky uklidni.“

Ksenija neusíná, ale úplně se propadá do snu. Asi po čtyřiceti minutách se vzbudí, vyskočí z postele a čapne velkou tašku, do které háže z lednice jablka, jogurty, salám. Otevírá dveře do Věroččina pokoje, Ksenija sem nechodí často, otevře skříň dokořán a háže do tašky šaty, boty, dokonce spodní prádlo. S velikostí se zas tolik nesplete. Pane Bože, sotva si člověk na někoho zvykne...

Ksenija přijíždí na policii. Plukovník je tady? Kde jinde by měl být, taková událost se stala, Ksenijo Nikolajevno! Samozřejmě, že ji pustí, přece nemůže odmítnout takové ženě.

„Tákže, nejdřív se podíváme do kukátka.“ Nechává se Ksenii podívat. „Spí, ta naše darebačka, to je k nevíře.“

V cele je sama. Ona opravdu spí. Leží na zádech, dýchá pravidelně a mělce, ve spánku se zdá ještě krásnější.

Když se od ní *ten chlap* odvalil a konečně ztichnul, počkala, než se uklidní, nabrala dech a šla se k umyvadlu umýt, na toaletu, jako vždy. Možná ze sebe neměla smývat stopy po kontaktu s násilníkem, to ji už taky napadlo, ale nemohla si pomoci. Dala do igelitky roztrhané punčochy a pracovní plášť, k tomu taky přidala nůž, který byl zabalený do novin. Pak si oblékla svoje jediné šaty, kabát, dala si na hlavu šátek, vzala si z komory pár knížek, to byly všechny její věci. Zamkla dveře a šla na policii. Jo a ještě předtím, než odešla, tak všude zhasla. Její chladnokrevnost bude později důkazem toho, že si

pozornost, kterou jí věnovala její oběť, buď vymyslela nebo zveličila její význam.

Na policejním oddělení oznamuje, že přibližně před hodinou při pokusu o znásilnění usmrtila muže ve středním věku, předkládá obsah igelitky a předává klíč od pelmeňárny.

Poté pozoruje, jak na oddělení vzniká rozruch, jak po schodech běží policisté a jak ve směru pelmeňárny odjíždí policejní automobil. A ji odvádějí do prvního patra a usazují na židli. Přes stůl naproti ní si sedá mladý policista. Je mírumilovně naladěný:

„Můžete pozvat svého advokáta.“

Žádného advokáta zatím nemá. „To je vtip.“ On jen zavtipkoval. Ibragimova Ruchšona Ibragimovna, rok narození 1971, občanství tádžické. Místo narození Leninabad, nyní Chudžand. Vzdělání vysokoškolské.

Policista přestává číst. Ano, vysokoškolské, filologická fakulta MGU. Policista je, patrně, překvapen. On sám má pravděpodobně sotva dva roky právnickiny dálkově.

Článek ústavy padesátý první ona zná: „Každý má právo odepřít výpověď, jestliže by jí způsobil nebezpečí trestního stíhání sobě a tak dále.“

„Už jste byla souzena?“

„Ne, to je poprvé.“

Jak to teda ví? Ona jen krčí rameny: „Četla jsem to.“ „Četla jste ústavu?“ Pane jo. Žádá ji o objasnění okolností. Má vlídný tón hlasu. Pokud je všechno tak, jak udává ve zprávě, tak ji po vyslechnutí, po podepsání písemného slibu, že neopustí město, propustí domů.

Viděla toho muže už dříve? „Ano, viděla, na chvíli se stával za majitelkou.“ Jeho jméno nezná. Dnes přišel kolem šesté hodiny večerní a ptal se po Kseniji Nikolajevně. Když ji nezastihnul, koupil si pivo. V pelmeňárně, kromě nich, nikdo nebyl. Dal si pivo a nabídnul jí... fyzický kontakt, ale byl odmítnut. Bylo to jasné odmítnutí, nebylo urážlivé a téměř beze slov.

„Ale bývají taková odmítnutí,“ vysvětluje policista, „kdy to jako odmítnutí jen vypadá, ale ve skutečnosti... Prostě... Ženy mají sílu rády.“

Ona se na něj pozorně dívá. Ona má ráda sílu, ale tohle nebyla síla. Zdá se, že ji policista úplně nepochopil:

„To jsou jen takové řeči. Tak dál.“

Když muž vstal a šel směrem k ní, tak šla do kuchyně. Proč? Nebylo to promyšlené, byl to instinkt. Kde ležel nůž, si pamatuje, ale kolik úderů zasadila a kam je zasadila, si už nepamatuje. Chtěla ho zabít? Chtěla, aby zemřel, jakýmkoliv způsobem.

Pokládá jí ještě další otázku, proč nepracuje ve svém oboru? Ona nechápe, jak to souvisí s případem. Dobře, a dříve v oboru pracovala? Na univerzitě ve městě Chudžand krátce učila ruskou literaturu.

## **Заключение**

Целью данной работы был адекватный перевод части повести «Камень, ножницы, бумага» Максима Осипова, а вместе с тем попытки сделать творчество данного писателя более доступным для чешского читателя, потому как на чешский язык был до сих пор переведён лишь один его рассказ – «Маленький лорд Фаунтлерой».

В начале работы мы решили, что для нашего перевода более всего подходит метод, объединяющий точный и вольный переводы, так как один без другого существовать не может, как пишет Попович. (Popovič, 1975, s. 121) В процессе перевода мы акцентировали внимание на сложных моментах, встречающихся во время перевода. Далее мы изучали научную литературу, в которой пытались найти ответы на вопросы, связанные с трудностями перевода. Мы также использовали научные словари и советовались со специалистами, для того, чтобы создать такой перевод, который не вызывал бы затруднений в понимании, связанных с реалиями русской среды, и при этом не терял своей культурной самобытности.

Для всей повести характерен признак разговорности. В русском языке разговорность проявляется, главным образом, на лексическом и синтаксическом уровнях, в то время как в чешском языке разговорность выражается также с помощью морфологического уровня, с использованием обиходного чешского языка (*obecná čeština*). В связи с этим нам пришлось переносить разговорность из одной лингвистической области в другую, чтобы тем самым сохранить стиль повести в переводе.

Таким образом, трудности, с которыми мы столкнулись во время перевода, находились на лексическом уровне, т.е. там, где мы решали вопрос перевода разговорной лексики и жаргонизмов. Наиболее проблематичным оказался перевод на уровне синтаксиса: короткие эллиптические, неполные предложения, особенно в разговорной речи, в русском языке встречаются чаще, чем в чешском, а в повести «Камень, ножницы, бумага» они употребляются очень часто: в этом заключается своеобразный стиль автора. В тех случаях, где это позволяли правила чешского

языка, мы старались сохранить лаконичность, но зачастую нам приходилось простые предложения соединять, а сложные – разделять.

На уровне морфологическом, несмотря на то, что чешский и русский языки во многом похожи, мы часто сталкивались с вопросом частоты использования конкретных явлений, к примеру, фреквентативов, которые в русском языке считаются устаревшими, или причастий и деепричастий, которые наоборот считаются архаичными в чешском языке, а в русском используются часто.

Большое значение помимо всего прочего имеет прагматика перевода. Важно было сохранить в переводе как можно больше русских реалий, но с учетом того, что они либо узнаваемы в чешской среде, либо переведены с помощью описания, либо заменены подходящими эквивалентами.

Перевод фразеологизмов – еще одна заслуживающая внимания область, которая относится к прагматике. При переводе фразеологических единиц возможно использование полных, частичных и относительных эквивалентов, фразеологических аналогов, а также безэквивалентных фразеологизмов. (Stěpanova, 1995, s. 27, 28) В нашей работе чаще всего встречались фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы.

Глубокое и полное понимание иноязычного текста и его перевод невозможны и без грамотного подхода к нахождению и переводу аллюзий. В повести мы распознали множество ссылок на литературные произведения, как русские, так и иностранные. Сложно было с аллюзиями на песни, так как они часто не известны чешскому читателю, в таких случаях мы иногда оставляли небольшой комментарий рядом с аллюзией. В теоретической части мы использовали в основном компиляционный метод. При транслатологическом анализе мы использовали преимущественно метод аналитико-синтетический.

Все слова и термины, относящиеся к религиозной тематике, мы переводили на чешский язык с использованием чешского экуменического перевода Библии.

Наш перевод мы охарактеризовали по всем приведённым уровням, учитывая различия между русским и чешским языками и соблюдая нормы последнего при переводе.

## Приложение

Максим Осипов

### Камень, ножницы, бумага

повесть

Время — наше, мирная жизнь. Городок в средней полосе России, в стороне от железной дороги, от большого шоссе. Есть река, есть храм.

В центре города — дом Ксении Николаевны Кныш. Дом одноэтажный, но большой. Пельменная возле дома тоже ее. Кныш — глава районного законодательного собрания. Ей пятьдесят семь лет.

Утро, вторник, седьмое марта. Ксения Николаевна на крыльце с Пахомовой, директором общеобразовательной школы. В руках у Пахомовой — поздравительный адрес, желтенькие цветы:

— Здоровья вам, Ксения Николаевна, счастья, благополучия! Многих лет вам на благо города!

Ксения кивает, войти не зовет. В папке — листочки.

— Опять попрошайничаем, Пахомова?

— Ой, что вы! Писания соседа вашего, в компьютере были, в учительской. Но уж вы никому, Ксеничка Николаевна, народ у нас, сами знаете...

Ксения, сурово:

— Ознакомимся.

Улыбается все-таки: всех вас, весь ваш женский коллектив — с праздником! — и домой, читать. Сосед — враг. Молитесь за врагов ваших. Да молится она, молится, что ни день...

*Мне сорок лет, и я хорошо себя чувствую, но после сорока смерть не считается уже безвременной, а потому пора мне собраться с силами и записать. Мысли неотвязные, недодуманные... Сорок лет. Слабеет вера в человека, а значит — и в Бога. Зачем все это, зачем? Будто сижу спиной к движению и смотрю в окно. А там — прошлое, только прошлое. Сорок лет — чем не повод разобраться с прошлым?*

*Я учитель русского языка и литературы, не женат и бездетен. Всю свою жизнь за вычетом той, что прошла в Калининском университете (неприятный, забытый сон), живу в нашем городе. Здесь красиво невеселой среднерусской красотой. Если не видеть сделанное человеком, очень красиво. Тут я, по-видимому, навсегда: тут родился, тут и умру — прежде, в юности, меня эта мысль угнетала, теперь нет. Живется мне, конечно, чуть одиноко, в особенности зимой, когда в пять уже совершенно темно, и сразу лишаешься того, без чего жизнь неполна, — реки, деревьев, соседских домов. Спиться мне не грозит, я не переношу алкоголя, а сочинять — пробовал, как всякий бы, наверное, в моем положении. Прочтут и обалдеют — таковы истоки моего «творчества». Да и кто, собственно, обалдеет? Несколько учителей-мужчин — вся наша интеллигенция. Врачей и священника к интеллигенции не отнесешь, а женщины в школе у нас безликие и какие-то обремененные, по большей части замужем за мелким*

начальством. «Каков диаметр Земли? — спрашивает у ребят географ. — Не знаешь? Плохо. Земля — наша мать». Эту шутку он повторяет лет двадцать, но никто, включая учителей, не потрудился узнать ответ: зачем? — мы никуда не ездим, Земля нам не кажется круглой. А географ скоро умрет от рака: тут всё про всех знают, особенно плохое.

«Отслужу в армии, отсижу срок...» — сказал недавно один деревенский мальчик мечтательно, мы обсуждали с ним будущее. Годы учения и странствий — так это называется? Вот мальчиков из моих первых выпусков почти что и не нет в живых: наркотики, коммерция, боевые действия — я огорчился сперва, а теперь, страшно сказать, устал жалеть их, привык. Девочки — те в основном уцелели, каждый год по несколько моих выпускниц поступают в университеты и академии — в Твери, Ярославле, даже в Москве. Девочкам и книжки интереснее, и сами они хотят нравиться: я человек нестарый и несемейный, мы устраиваем литературные вечера, дом у меня большой. Литературные четверги — так мы их называем, очень все целомудренно: чай, стихи, проза. Я люблю радоваться и радовать. И даже грустная, очень грустная история с Верочкой Жидковой меня не расхолодила.

У нас есть река, и нет железной дороги — на десятки километров кругом. Говорят, это мешает промышленности, но железная дорога — это ведь несвобода, зло. Как ее ненавидел Толстой и как любили большевики! Наш паровоз вперед летит, и все прочее. Тормозной путь полтора километра — шутка ли? Иное дело автомобиль. Эх, был бы он у меня! Водить-то — уж как-нибудь. Сел бы за руль и отправился в Пушкинские Горы, а то и в Болдино, побродил по святым местам, а там бы, глядишь, встретил учительницу, свободную, одинокую. Лежу иногда без сна, сочиняю свои диалоги с ней. Ребячество? — ну и пусть. «Как вам экскурсия?» — спрошу я ее, и она мне ответит не очень впопад, но так, чтоб я распознал цитату: «Затейливо». Скоро признаюсь: «Я полюбил вас с той минуты, как увидел вас. — Может быть, не так в лоб, но что-то похожее. Она засмеется, словно бы не поверит. — Клянусь». Учительница нахмурится: «Не клянитесь ни небом, ни землею». А я закончу: «Ни веселым именем Пушкина». Осмотрев достопримечательность, поедем ко мне — без разговоров и договоров. В машине сыграем в игру. «Песнь песней», — скажу, а она ответит: «Сказка сказок». Я продолжу: «Святая святых», — «Сорок сороков», — «Суета сует», — «Конец концов», — «Веки веков», — и она подумает немножко и сдастся.

Мало ли в какую можно игру поиграть, да только машины у меня нет как нет. А будь я порасторопнее, продал бы половину своей земли (участок большой, на нем кроме сорняков почти ничего не растет), перестроил бы дом и на машину б хватило, и даже осталось бы. Земля у нас за последние годы подорожала раз в пятьдесят. Так что человек я весьма обеспеченный, только распорядиться богатством своим не могу. Если честно — не особенно и стремлюсь. Провинциальному учителю бедность к лицу — ведь так? Мне живется тепло. Опасно, грязно и пахнет, конечно, пахнет, не станем метафору продолжать.

*У меня изумительные родители, у деревенского мальчика (отслужу-отсижу) таких нет. Грубая жизнь — с рождения, магазин ограбит, не оттого, что голоден, а из удали, или выпьет и подерется с кем-нибудь — как такого судить? А если одноклассницу изнасилует? А если человека убьет? С какого момента ребенок начинает отвечать за свои поступки и начинает ли?*

*Одного мальчика лет шести, очень легко одетого, я подобрал перед Новым годом на автостанции: он пришел побираться — думаю, в первый раз, и еще не знал, как подступиться к этому. Взял я его на елку к дачникам, помыли мальчика, приодели, надавали разных вещей, отправился его провожать. «Наша квартира», — показывает, а там комната такая, безо всего, только лампочка под потолком и кровать железная, а поверх, на куче тряпья, — голый дядька, грязный, пьяный, и запах. Я дядьку прикрыл, попытался что-то ему втолковать — про сына, мешки с вещами, про то, что порядок нужен, а он меня спрашивает: «Православный?» Я замялся — что за вопрос? — а дядька присел на кровати, качнулся так: «Русский?» «Да, — отвечаю, — русский». «И зачем тебе — вещи, порядок? Мне вот, — говорит, — ни-че-го не надо». Но почему? Он и сам как будто бы удивлен. А сына его я на следующий день опять встретил у автостанции. Не признал меня, рассказывает взахлеб: «Вчера в таком доме был! Во живут москвичи!.. Наворова-а-ли!»*

*То — дети. А взрослый народ и впрямь совершенно себя позабыл. Почти никто, например, не помнит телефонного кода нашего города — не даем мы свой номер никому за его пределами, не чувствуем себя частью целого. Будда, Сократ, Толстой, а вот я — житель такого-то городка, телефонный номер такой-то, — вот как должно быть устроено. В глубины народного сознания и прочее верят теперь только дачники, а местные телевизор смотрят. Не от усталости, не потому, что тяжелая жизнь, она легкая, неголодная, а чтобы дырку заполнить, чем-то себя занять.*

*Вернемся к моей ситуации. Родители живы, оба на пенсии: папа преподавал английский, мама начальные классы вела, от меня внуков не дождалась, переселились в Москву: там театры, выставки, там сестра моя живет младшая. Родители любят друг друга и нас с сестрой. Бунта против мира взрослых у меня никогда не было. Говорят, юность без бунта неполноценна — я так не думаю.*

*Итак, близкие живы, и в списке моих потерь Верочка — самая главная, по существу единственная. Три года прошло, как как не стало ее, а вспоминаю Верочку ежедневно, даже, может быть, ежечасно. Всегда — когда сталкиваюсь с живыми, умными девочками, а они среди моих учениц есть. Одна тут недавно спросила: «Раз запятые ставят по правилам, то, может, они вообще не нужны?» Отчего самому мне этот вопрос не пришел в голову? «Надо подумать, — говорю ей, — надо подумать». Ради таких вот умненьких и работаю.*

*Чтобы покончить с дачниками: незадолго до Верочкиного отъезда сидели мы с ней на веранде и писали для моей выпускницы Полины вступительное сочинение в какой-то бессмысленный вуз. Академия сервиса,*

*кажется: берут всех подряд, телефоны на экзаменах не отнимают, так что мы себе пили чаек и наперебой отправляли Полине текстовые сообщения. Тема досталась такая: «Духовный мир провинциальных дворян в романе „Евгений Онегин“». Всему, что мы пишем, Полина, предполагалось, придаст развитие.*

*Пишем: «Этот мир представлен в романе со второй главы по начало седьмой. Онегин бежит сюда из мира большого, из Петербурга. Незатейливое простодушие деревенских соседей, — Он в том покое поселился, / Где деревенский старожил... Интересы: Их разговор благоразумный / О сенокосе, о вине, / О псарне, о своей родне. Живущих в провинции отличают простота, непосредственность интересов, однообразный уклад, не любовь, а скорее привычка друг к другу. Неструктурированный день, много свободного времени: Татьяна в тишине лесов / Одна с опасной книгой бродит... У людей с душой происходит расцвет иллюзорного мира: Вздыхает и, себе присвоя / Чужой восторг, чужую грусть... Главная особенность провинции — отсутствие настоящих жизненных впечатлений, особенно у женщин». Так и написали: «особенность» — «особенно», потому что спешили. «Еще?» — спрашиваем, — «Da, da, please!». «Серьезное отношение к жизненным принципам: родись Татьяна в Петербурге, она не достигла бы той искренности ни при первом объяснении с Онегиным, ни при последующих. Строгость и простота здесь не те, что в столицах. Онегин живет по столичным законам, которые не подразумевают ни искренности, ни глубины. По небрежности убивает Ленского, делает несчастной Татьяну. Разумеется, в провинциальной жизни, как и в столичной, есть и чванство, и глупость, и шутовство, в откровенных, гротескных формах, так что не следует, — советуем мы Полине, — идеализировать ситуацию». Она поблагодарила нас, пора уже было переписывать набело, а мы подумали с Верочкой: Онегин в деревне — это про наших дачников, разве нет?*

*Те, кто попроще, ходят в жару полуголыми, в Москве они так себя не ведут. Дачники покультурнее не хотят обижать никого, и все равно обижают. Питерские чуть отличаются: у них имена-отчества, у москвичей остались одни имена. Где-то в столицах диссертации защищают, книги издают, происходит что-то существенное, литераторы хлопают друг друга по физиономиям, а тут — нельзя же всерьез принимать эту милую, теплую, грязненькую жизнь. Несерьезная влюбленность, несерьезные правила поведения. Заглянут по дороге с реки ко мне, от меня — в пельменную: посидеть, потусить, как теперь выражаются. Лето закончится, и — до лучших времен: дайте знать, когда соберетесь к нам в Белокаменную.*

*Я и сам подвержен приступам страшной лени всех разновидностей — душевной, духовной, физической, — и быть учителем нравственности не хочу, мне бы со своим предметом управиться, а все-таки ужасную досаду вызывают иные воспоминания. Как бы не было тяжело жить монахом и как бы мало я не испытывал в своей жизни радостей женской любви, а с появлением Верочки отказался и от того, что имел. Служить развлечением*

дачницам: сельский учитель словесности, энтузиаст, давайте-ка приблизим его к себе, что это он до сих пор неохваченный? — нет уж, с этим расстаться не жаль.

*Про Верочку. Верочка хороша была до такой степени, что все мужчины, кроме последних пропойц, останавливались, оборачивались, а то и вслед ей шли. В жесте, в движении — рук, головы, плеч — никакой угловатости, неловкости, никогда. Училась она в моем классе лет с четырнадцати и до выпуска — я только старшие классы веду. «Зачем не с глаголами писать отдельно? Хоть вы объясните мне! — вот первое, что я услышал от Верочки. — Как удобно было бы — нехочу, нелюблю!».* Поглядел я тогда внимательно на нее и подумал: вот она, жертва, классическая, или теперь подверстываю воспоминания к дальнейшему?

*Верочка очень ко мне тянулась. Да и я любил Верочку. Конечно, любил, но сам же и обрывал ее, когда она пробовала объясниться, какая я пара ей? И ученица, и разница в возрасте, да и тянулась она, может быть, не ко мне, а к прозе с поэзией. «Это, Верочка, у тебя от чтения и лечится тоже — чтением», — вот и все, что я мог ей сказать. Но приходит на чай ко мне она не переставала — все запросто: соседи, неструктурированный день.*

*Ксения, мать ее, ревновала Верочку, на родительские собрания отправляла отца — коммуниста Жидкова, так мы его называли, он уже с ними не жил. Был когда-то секретарем райкома, начальником, по здешним меркам, большим. Потом Ксения его бросила, стал болеть, пить, сделался серый какой-то, землистый весь, невозможно стало с ним разговаривать. Теперь, думаю, помер уже.*

*А какие Верочка сочинения писала по Достоевскому! Не без натяжек, конечно, но очень талантливые. Помню почти наизусть — про Порфирия, пристава следственных дел, глаза с жидким блеском, про то, что мы удивляемся, когда они оказываются людьми, про то, что Порфирий — единственный, у кого нету фамилии, а вот спас же Раскольников, он и Соня спасли его, справедливость и милосердие — два действия божества! А сочинение ее по «Грозе» — вообще самое интересное, что я об этой пьесе читал: про Катю Кабанову и Анну Каренину. И несостоятельных, слабых мужчин.*

*Каждый преподаватель литературы мечтает, чтобы его ученик стал настоящим филологом, вот и я посоветовал Верочке: поступай-ка ты на филфак. Думал — в Москву, но она выбрала Петербург, как я ни отговаривал Верочку: скука, холод и гранит, как ни просил перечитать того же Толстого. Дочка начальников, к тому же единственная, — не привыкла ни в чем получать отказ. В прежние времена из таких, как Верочка, образовывались, я думаю, эсерки, народоволки... Только смеялась в ответ, декламировала Ахматову: Но ни на что не променяем пышный, / Гранитный город славы и беды... — для Верочки Петербург обернулся только бедой.*

*Ксения филологию не одобряла, хотела Верочку сделать юристом: заработок, работа на фирме, замужество с иностранцем. Счастье — на обыкновенных путях, — знаем, слышали. Верочка, естественно, не обсуждала мать, повторяла лишь, что она — другая. Сразу в университет*

*не пошла (не любила проигрывать), целый год готовилась: по литературе — конечно, со мной.*

*Подробностей ее гибели я не знаю и не желаю знать. Общежитие, квартиры, испорченные ленинградские мальчики, жестокие, остроумные, с кем-то она расставалась, с кем-то сходилась. Питерское культурное подполье — злые ребята! Письма скоро пошли какие-то не ее, не Верочкины. Ехала в Петербург за высокой культурой, а в результате — университет бросила, и пошло: помощь обиженным, обездоленным. Идея возникла у Верочки — обращать несчастных людей к прекрасному: к музыке, живописи, красоте. Тех, кому уже некуда больше идти. Как могла она справиться? Среди них разные, по-видимому, типы есть — в основном отрицательные. Было, рассказывали, и насилие. Со стороны одного из ее подопечных. Говорили разное: приняла таблетки, яд, откуда у Верочки яд?*

*Я и на похоронах ее не был. Директриса наша, Пахомова, сделала так, чтобы я на них не успел: в область отправила, на повышение квалификации. Жалела меня, вероятно, по-своему. Отец Александр отпевать Верочку не хотел, но Ксения с ним, разумеется, справилась. Никому не нужна была гибель Верочки, никому. Вот что: живым надо быть, а я был хорошим. Женился б на ней, а потом отпуская в Петербург, хоть куда.*

— Женился бы он... Ишь, — усмехается Ксения, — женилку отрастил. Слабак. Тьфу. — Отрывается от чтения, руку трет.

На руке — темное пятно, поросшее волосами. От волнения пятно пульсирует, чешется. Закрывает его рукавом.

— Да, что тебе? — Исайкин, высокий, сутулый — муж. — Иди, давай, открывай, клиенты ждут.

Убогий. Автомагазин тоже ее. «Достойная резина для достойных людей» — вся работа Исайкина. Достойные свечи, масла. Выгнать бы к чертовой матери, но — венчались, нехорошо. Что Бог соединил... Бог и так ей должен. За дочь и за все.

Дочитать гада.

*Раз уж я принялся говорить о Ксении, то надо отозваться и вообще про власть. Ее в нашем городе прихватили маленькие некрасивые люди. Нервные: не оттого, что нехороши собой, а оттого, что власть им досталась хищением. Но они приняты, приняты, а кто у нас в городе не был бы принят? Коммунист Жидков, теперь — Паша Цыцын, местное самоуправление, и каждый раз: может быть, этот дороги сделает?... Паша, Ксения и судья всё и прибрали к рукам. Ксения — духовный вождь, аятолла, очень набожна, Паша-дурачок — когда-то выборный, только давно у нас не проводят выборов, главу назначают теперь депутаты, а судья — он просто самый богатый, фамилия у него забавная — Рукосуев, половина земель вокруг города — рукосуевские, вот такая история. Но судья-то как раз, говорят, человек незлой. То ли дело Ксения: рассказывали, как она увольняет своих таджиков. Кажется, получает удовольствие от зла, как те подростки, что кошек мучают.*

*Школьная уборщица крада деньги из наших пальто, мы избавились от нее, с огорчением: она своя, такая, как мы, но опустилась, крадет, а вот если Паша лазил бы по карманам, я бы, честное слово, хуже не относился к нему: Паша — другой. Хищение ли, выборы — велика ли разница, если власть всегда оказывается у других? Так-то так, да только другие непременно интересуются, что мы думаем. И про них, и вообще. Вот священник наш, младше меня лет на пять, его Александром Третьим зовут, до него еще два Александра было, рукоположен по правилам и служит, наверное, правильно, хотя ни одного слова не разберешь: Александр — не узурпатор, бояться его не следует. Да и я, учитель, тоже по мере сил стараюсь все делать правильно. Конечно, мне хочется уважения, но, проходя мимо класса, я не остановлюсь под дверью послушать, что обо мне говорят. А достанься мне мое место хищением, непременно слушал бы. И наши будут, если уже не слушают.*

*Но ведь в сущности — что мне начальство? Свет светит, вода течет. Не всегда, с перебоями, но течет. А как уж у них там устроено... Нет, это я всё, чтоб отвлечься, не думать о Верочке... Чего я тогда испугался? Боялся ли совершить хищение, женюсь на ней? Вялые оправдания. Жизнь наша здесь, конечно, была бы невысказана... Если себя не жалеть: испугался любви и сопряженных с любовью страданий. Хуже: хлопот. Уж если совсем не жалеть себя.*

Ксения переворачивает последнюю страницу: чтоб ты сдох! Прости, Господи. Дочь отняли, страну развалили — вот и все, что вы сделали, умники.

Был социализм, и Ксения служила, как все — верила и не верила. Были страна, дочь. Идеалы были, чего-то боялись. Не стало социализма, распалась страна, другие появились ориентиры — она все поняла правильно — крестилась и дочь крестила, помогла восстановить храм. По делам их узнаете их. И что? Погибла дочь. Ни дочери, ни страны. Вот награда. Понять невозможно.

Задолжал ей Господь Бог, крепко задолжал. Она-то свой долг знает. Дело делала и дальше будет. И не ждет гарантий. Сказала, что храм восстановит — исполнила. Часовню обещала — и часовня будет. Кому обещала? Не важно. Городу, всем обещала, себе. Аятолла, во как.

План часовни согласован с Александром Третьим. Тот пожимал плечами: «И так в храме народ не собирается. Лучше купим колокола». Снова ходила и снова, пока не застала сцену: сидит батюшка, ест капусту, и кино смотрит по телевизору, а там — ругань, крики, пальба! Шутить пробовал: «Ох, люта смерть грешников!..» Поймала его виноватый взгляд. — Вот мы, значит, отец, по пятницам как смиряемся! Ездил с подарками — к благочинному, к архиерею. Батюшка у нее вот теперь где — сжимает кулак. Опять пятно зачесалось. Заботы, заботы.

Батюшка — мямля. Толком не может ответить ни на один вопрос. «Сила Моя в немощи совершается», — и что, расслабиться и получать удовольствие? Какая же в немощи сила? Проще всего разговоры

разговаривать. Не на таких, как он, еще что-то держится, и не на соседе-учителе, а на ней, на Ксении.

А часовню поставим за домом, вот тут. Теперь она точно знает, где часовне следует быть. Соседа подвинем. Он городу чужой человек. Стихи, проза. Разберемся, кто ему его прозу заказывает, и с заказчиками разберемся. Пахомова, интересно, читала? Да уж наверное. Черт, осторожней надо. Приходится со всякими уродами считаться. Паша еще этот, шибздик. Метр с кепкой, а гонору! «Сам глава администрации вам обещает». Всё на ней, всё на Ксении: город, дом, бизнес. Сил нет тащить, а куда денешься? Долг. Крест.

Пельменная работает так. С мая по сентябрь — дачники, много, террасу открываем, с октября по апрель народец попроще, свои. Восточная еда — шурпа, манты, плов. Есть и постные блюда. Вот сейчас, Великим постом, пожалуйста, постное меню. Но основа всего — пельмени, с оптового рынка. Если с истекающим сроком годности, можно взять совсем дешево.

Постоянных работников два — кассир и повар, русские тетки, исайкинская родня, для всего остального — таджики. Они тоже — с истекающей годностью, одноразовые. Испытательный срок — три месяца. Если есть нарекания, собирай манатки и — давай, топай, ауфвидерзеен. Пока испытательный срок, не надо платить, зато жилье и питание, одному, когда он руку себе обжег, даже «скорую» вызывали. Летом таджиков больше требуется, а зимой — так, один-два. Таджики, между прочим, тоже бывают разные. Одна прижилась.

Роксана Ибрагимова, тридцать пять лет. Голос низкий: «Роксана по-вашему», — больше от нее ничего и не слышали. Что за имя такое? «Роксана», «Оксана», «Ксана» — надо же, тезки почти. Худая, высокая, аккуратная, не такая, как все, совсем не такая. Длинные черные волосы. Очень красивая. Сказала ей: «Старайся, мужа себе найдешь. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок». Сама засмеялась и тут же затихла: так эта Роксана глянула на нее. На мгновение зажгла огонек в глазах и тотчас же погасила.

Что значит этот огонек, поняла позже: парень, тоже нерусский, с бензоколонки, пиво пил на террасе, Роксана ему подавала. Попробовал протянуть руку, дотронуться до нее: «Де-эшк...» Как-то дернулась, и уж зажегся огонь так огонь, будьте-нате. Что-то вырвалось у нее, несколько звуков, горлом. Сник парень, пиво не допил, ушел. Стояла возле двери, все видела, тогда же решила: пускай работает, буду платить ей. Так что Роксана тут с августа, живет в подсобке, за кухней, в тепле. Пространства свободного метра четыре, да у нее и вещей почти нет.

Несет Роксане новые папки прозрачные — меню все захватанные, надо менять.

— Листочки переложить справишься? — Роксана поднимает глаза, чуть движет ресницами, молча.

У нее всё — молча. Тогда еще, в августе, приходил какой-то, искал ее. Из москвичей. Сказал: русскому языку детей его учит. Ничего не придумал умней. Роксана не вышла к нему, правильно сделала.

А с листочками — справится, она со всем справится. Надо прибавить ей. Тянет ее к Роксане. Жаль, не поговоришь.

— С праздником тебя, Роксаночка, с женским днем!

Та не удивляется, не кивает, просто не реагирует никак.

Больница — администрация — суд. Все близко, пешком.

В больнице Жидков, ее бывший. Уже полгода тут. Дом не отапливается, некому приглядеть. А какие варианты — в интернат его оформлять? Да ему осталось-то... Летом, если дотянет, — домой.

Жидков опять начудил: пробрался ночью на сестринский пост, вызвал «скорую»: плохо мне, не могу дышать! А «скорая» тут же, внизу.

Выходит главврач, рот вытирает, они уже празднуют:

— Ксения Николаевна, хотите послушать? — Все разговоры на «скорой» записываются. Зачем ей слушать? Пошли к Жидкову. Все такое обшарпанное, когда ремонт будем делать, а?

Главврач остается сзади: «Я у себя, если что». Жидков сидит в коридоре, желтый весь, высох. Давно не видела.

— Ну, живой? Сколько вешишь?

Килограмм пятьдесят, не больше того. Захватила ему поесть.

— А ты, Ксюха, все восемьдесят?

Да нет, семьдесят пять — семьдесят семь, в той же поре.

Жидков смотрит просяще, чего-то задумал. Жалко его, конечно. С другой стороны — всем когда-нибудь помирать.

— Заберешь меня?

К лету, ведь сказано.

— К лету... К лету я уже с Верочкой нашей буду. Хоть коммунистам и не положено в такие вещи...

Положено. Теперь всем — положено. Коммунист! Какую страну умудрились про... Вот только не надо сегодня про Верочку, хватит уже. Верочка его навещала, видите ли, книжки читала вслух. Хорошие, говорит Жидков, книжки, а какие — не помнит уже.

— Не лечат меня. Другим — капельницы...

По коридору идет медсестра. Ксения делает движение головой: «Пригласите лечащего врача».

Молодой, новый какой-то, чистенький не по-нашему:

— Я уже все объяснил вашему мужу. Простите, бывшему вашему мужу. Нет, исключительно операция. Да, в Москву, мы на сердце не делаем операций. В области тоже не делают. Гарантий? Каких вы ждете гарантий? Конечно, риск есть. Скажем... десять процентов. А вероятность умереть от болезни — сто. Понимаете?

Ишь ты, какой говорок. Спокойно:

— Областные специалисты имеют другое мнение. Да и какая операция в его возрасте? — Жидкову: — Выписку принеси.

Жидков толком идти не может, два шага — и задыхается. Ксения обгоняет его, заходит в палату, двухместную, на соседней с Жидковым койке — гниющий старик. Не могли дать отдельную? Все-таки — второй секретарь, не колхозник задрипанный, надо прошлое уважать. Роеся в тумбочке, жуткий смрад, это не от старика: остатки пельменей, которые послала. Жидков наконец доплелся:

— Ксюха, пасеку у меня купи, а?

Пошел ты со своей пасекой! Ага, вот: «лечение по месту жительства». Врач кривится: кто эту чушь написал? Они там не разбираются... А ты, значит, разбираешься? Чего-то он снова принимается толковать. Она не вникает, не слушает. Вдруг включается:

— ...С операцией он может сколько угодно прожить. Мы его уговорили, почти. А вы должны быть не частью проблемы, а частью ее решения.

Это уж слишком! К главврачу: так, чтобы каждый день капельницы, дважды в день. Под его ответственность. Под личный контроль. Говнюка этого к Жидкову не подпускать. Ваших женщин — с праздником.

— И вас с наступающим, Ксения Николаевна, здоровья вам!

— Павел Андреевич на месте?

— На месте он, на месте, для вас, Ксения Николаевна, всегда на месте.

Что за глупая улыбка? А потому что — знает.

Пять лет назад она пришла к Паше, только вступившему в должность, — его и привела сюда Ксения — простой парень, главное, что из местных (из местных плюс дед воевал, Паша — внук солдата, вот и все его козыри), — поздравить, пожелать многих лет работы на благо города. Поговорили о том о сем, и вдруг — стал толкать ее в заднюю комнату: «Посмотрим кино про меня?» — Какое еще кино? — «Увидишь, Ксения Николаевна, интересное».

В комнатке диван, занавешены окна. Паша навалился сзади, как учили товарищи: женщины любят силу. «Ты что творишь, Паша?» — «Ухаживаю». — «Сдурел на радостях, да? Я ж почти бабушка. Девки в городе перевелись?» Паша чуть отодвинулся, покрутил головой: «Мне теперь статус нужен». Опять принялся за нее. Ладно, будет тебе статус, сокол. Минуточку, отвернись. Паша — выпускник летного училища, низенький, шеи нет, голова большая, а остальное все — маленькое-маленькое. Смех и грех. Любовь длилась сорок секунд и с тех пор не возобновлялась, но городу известно: Ксения с Пашей — любовники.

Паша подписывает открытки к Восьмому марта, не лень? — существует же ксерокс. Нет, все сам, трудоголик.

— Не бережешь себя, Паландреич.

С чем, спрашивает, пришла? — Да так, пошептаться надо.

Паша принимает государственный вид:

— Что же, давай, Ксения Николаевна, порешаем вопросы.

Она излагает: часовня, вот планы, дело за малым — земля. С духовной властью все согласовано: часовня нужна. А у нее сосед на пятнадцати сотках жирует, практически в центре города.

— Он ничего вроде, — заявляет Паша. — Кристишка моя у него. Живет, говорит, как эта, как птичка.

Ага, как птичка. Небесная. Хорошо себя чувствует.

Паша ужасно вдруг напрягается:

— Как там... программа: духовное возрождение, славянская письменность...

С каких пор мы стали интересоваться письменностью, Павел? Муниципальное жилье дадим твоей птичке, тем более если — программа. До Паши доходит, как до жирафа. «Дома горят, ты ведь работал пожарником!» — хочется крикнуть Ксении Николаевне, но о таких вещах даже с ним нельзя.

— Я думала, ты мужчина. Ты же на той неделе мне обещал!

— Извини меня, Ксения Николаевна, та неделя — это *та* неделя, а эта неделя — это *эта* неделя.

— Где ты набрался такого?

Он это слышал от областного начальника. Ну да, Паша теперь постоянно бывает в области. Край какой-то. Тупик. Паша хоть знает, что такое часовня? Бурчит:

— Не вижу, этой, логистики.

Лучше боулинг, считает Паша. Боулинг будет более востребован.

— Какой еще боулинг? Ты ведь, Паша, государственный человек.

— Государство, Ксения Николаевна, — понятие относительное.

Сидит, надулся. За жирафа обиделся? Да тебе любое сравнение с жирафом... Вдруг — озарение:

— У учителя знаешь какие дела творятся? — вдохновенно рассказывает. — Почирикает, почирикает птичка да и нагадит. Прямо позади ее дома — гнездо разврата свила. За дочь не страшно?.. — еще говорит и еще, платок достает, подносит к глазам. — Хочешь, чтобы она?.. Чтоб — и она?

Паша задумывается.

— Ладно, разберемся с этим чмо, — давно бы так! — Разрулим ситуацию. Будет часовня, готовь решение! Давай по маленькой, Ксения Николаевна, с наступающим праздником, здоровья тебе, сил, любви!

Офицеры пьют стоя. Господи, блин, достал.

Суд — больше для радости, чем для дела. Егор Саввич, судья, — веселый, петь любит и служит хорошо, музыкально: плавно, без пауз ведет процесс. Сдавать стал немножко в последнее время, облез, в область ездит обследоваться. «Атрофические изменения головного мозга» — он показал ей результаты последней своей консультации. Она смеется: «Не рассказывай никому. Адвокатам — в первую очередь».

Если о чем и жалела в жизни, то вот — что не стала судьей. Каждый раз мурашки по коже, когда приговор: все стоят, судья зачитывает, хорошо. Сам только что напечатал, и — вжик — три, пять, десять лет.

Сегодня судят двух ее бывших таджиков. Уволила еще в сентябре, чего-то строят теперь, верней — строили. Преступная нация, исключения лишь подтверждают правило.

Утро было пасмурное, а тут и солнышко. Пока шла до суда, развеселилась совсем, Пашин коньяк подействовал. А вот и они, красавцы, возле задней двери. Неудобно, небось, держать сигарету двумя руками? Похудели вы без Ксении Николаевны, осунулись. Ничего, на казенном поправитесь.

Выходит Егор, уже облачился:

— Начинаем процесс. — Здесь по-домашнему. — Давайте, ребята, айн-цвай, в зал. — Все у него «ребята». Эти, похоже, толком не знают русского. — Ты тоже, Ксения Николаевна, заходи.

Как обычно, она направляется в заднюю комнату, дверь туда приоткрыта, все видно и слышно. Адвокаты, оба по пятьдесят первой, обеспечивают право на защиту, прокурор, секретарь — кажется, все собрались.

«Встать, суд идет. Прошу садиться», — никто и двинуться не успел. Отцу Александру бы поучиться, любую службу развозит на два часа. Номер дела, статья, имена подсудимых — не выговоришь, государственное обвинение поддерживает младший советник юстиции такой-то, отводов, ходатайств нет. Статья Конституции подсудимым разъяснена. Обвинительное заключение. Прокурору: сидя давай.

На автостанции эти двое отобрали у мальчишки, местного, телефон. Мальчишек, насколько известно, обчистили нескольких, и телефонов забрали несколько, но заявление в милицию получили только от одного, да и таджиков было не двое, а трое, один сбежал. В жизни иначе всё, чем в суде, менее стройно, тем ей и нравится суд. Никому не нужны ни лишний таджик, ни лишние телефоны, ни потерпевшие, которых в процесс не вытащишь.

Егор мелко кивает — будто в такт какой-то внутренней музыке. От адвокатов только и слышно: «Встань», «Отвечай суду». Первый таджик с обвинением согласен полностью, второй — частично. Первый — да, побои наносил потерпевшему он, и в карманах шарил у него тоже он.

— Чем шарил, руками? — спрашивает прокурор.

Чем еще можно шарить? Понимает ли обвиняемый, о чем его спрашивают? Ксения прикидывает его возраст. Школу не надо прогуливать. Какая была страна!

Второй таджик говорит по-русски уверенней:

— Мы сидели с Виталиком, «Роллтон» кушали.

— Супы быстрого приготовления «Роллтон», — перебивает Егор. — Рекламная пауза! — Поворачивается к двери, за которой, он знает, находится Ксения.

— Тебя не за это судят, — вмешивается адвокат. — Бил потерпевшего? Угрожал ему? Телефон кто вытаскивал?

— Про телефон сказать не могу. Находился в состоянии алкогольного опьянения. — Адвокат машет рукой: мол, и черт с тобой, и сиди.

Допрос свидетеля занимает еще полторы минуты, прения сторон — две. Суд удаляется на совещание. Попробуем угадать:

— Год и три? То есть, наоборот, три и год?

Егор кивает: точно, она всегда угадывает.

Ксения проходит в зал. Центральный момент.

— Именем... — бум! молотком, всё! — Увести осужденных!

Егор хороший судья: отмен у него не бывает. Мантию в шкаф, а оттуда гитару и еще — рюмки и коньячок.

— Не дай себе засохнуть, Ксюша! Лимончик порежь, огурчики вот, маслинки, рыбку.

Второй день поста, эх, будет что рассказать на исповеди.

— С праздничком тебя, с женским днем! Тостуемый пьет до дна.

В глазах его слезы, быстро хмелеть стал. В прежние, еще советские, времена они, как говорится, *встречались*. Ксения забегала после работы, они запирали дверь, Егор обнимал ее и ласково спрашивал: «Угадай, Ксюша, кого сейчас будут *иметь?*» Как молоды мы были... Он и теперь пробует обнять Ксению, она мягко высвобождается.

— А, может, у меня этот, сексуальный всплеск?

Уж какой там всплеск. По-настоящему Егор всю свою жизнь любил одну женщину — Пугачеву Аллу Борисовну. «За эту бабу, — говорил он, — я невинного человека убить готов». И в Ксюше особенно ценит голос.

— Споем?

— Не гони, — просит Ксения. — Позже споем.

Егор откидывается на спинку дивана, жмурится:

— Давай тогда про божественное... Я люблю... Что у вас там за число зверя?

Поздно до нашего города добираются новости. Она принимается объяснять: штрих-код, три шестерки, как на этой бутылке — ясно тебе? Так на любом изделии.

— Да зачем они нужны, будем говорить, три шестерки? Чего-то я не пойму. — Егор забирает бутылку, собирается наливать.

Она не может точно сказать.

— Вроде, для этой, синхронизации...

— Ха-ха-ха, — смеется судья. — Для синхронизации у нас «Три семерки!» Портвешок. Поняла?

Егор веселый, и с ним тепло, весело. А чего не веселиться? Деньги есть, дело делает нужное, интересное. Зря она не стала юристом. Верочку вот надеялась в люди вывести... Вспоминает утро, мрачнеет. Надо Егору рассказать про учителя: в городе, в их с Егором городе, чужой человек.

— Егор, ты Верочку мою помнишь? Кто ее сбил с пути — представление имеешь?

Тому весело — удачная вышла шутка про портвешок:

— Учитель что ли? Ладно тебе, с какого пути? Сама говорила: ничего у них не было.

— Именно что, учитель. Вот и учил бы. А то — литературные четверги, стихи, проза...

— Ксюш, да при чем тут?.. Верочка ведь, ты извини, всегда была у тебя какая-то не такая. Ладно бы только папашу своего недоделанного жалела. Так всех ведь подряд несчастленьких. Помнишь, бомжа с улицы притащила?

— Нашел, что вспомнить, это Верочка еще ребенком была.

— А учителя брось. Скучно тебе, ты и маешься. Успокойся, Ксюш. Перемелется, время лечит.

— Теперь меня послушай, Егор. Чужой человек у нас в городе. Враг — не враг, но вообще-то враг. Или кто-то использует ситуацию. Бумаги пишет твой учитель, будьте-нате. Хочешь, дам почитать?

Егор отмахивается: мало у него разве своих бумаг?

— Земля им твоя приглянулась, — как бы вскользь, между прочим, произносит Ксения, тоже искусство — так вот сказать.

Егор умеет быть и серьезным:

— Земля?! Кому?!

— Кому-кому... Чужие люди пришли в наш дом, Егорушка. Чужие люди!

— Всякий, кто замахивается на нашу... на эту... короче, ты поняла, государственность, получит по заслугам! — По журнальному столику — хрясь! — Мы с тобой, наши, будем говорить, отцы, деды землю эту отстояли. От немцев! От французов! — Думает: — От поляков.

Красный весь стал Егор, особенно лысина.

— Егорушка, ты-то меня поддержишь?

Можно было бы и не спрашивать.

Во-о-от, поделилась, и легче стало. Жестом показывает: гитару бери, теперь будем петь. Она поднимает руку, распускает пучок. Волосы у нее каштановые, длинные. Еще одну рюмочку.

— Спой эту... «Куда они там все запропалились...»

Ксения улыбается: ей известна Егорова слабость. Проигрыш — и... *Уж сколько их упало в эту бездну, разверстную вдали!* Голос высокий, чистый — как хорошо!

Допели, судья гладит струны, грустит. Он тоже о смерти стал размышлять. Растерян: две птички желтенькие утром сегодня в дом залетели. Плохая примета, к покойнику. Ксения его успокаивает:

— Желтенькие? Это ничего, к деньгам.

Ксения верующая, ей легче. А его в церковь — не тянет, нет:

— Нас как воспитывали? Что после смерти нет ничего. А теперь — первые лица даже... Стоят со свечками, крестятся. Ну, поклоны не бьют, не хватало еще... Но ты вот, допустим, о чем Бога просишь?

Не под коньячок разговоры такие. О чем положено, о том и просит. О чем святые старцы просили...

— А, предположим, точно вот было бы, что Бог есть. Чего попросишь?

Она размышляет:

— Верочку не вернешь, страну тоже... Чтоб мне годиков двадцать—тридцать скинул, наверное. — Улыбается, э-эх... Давай, за все хорошее.

Засиделись. На улице уже, наверное, совсем темно.

— Смотри, — Рукосуев лезет в портфель за листочком. — Стих.  
Козырный. *Да, все мы смертны, хоть не по нутру / Мне эта истина,  
страшней которой нету, / Но в час положенный и я, как все, умру...*  
Пронзительно. О главном. — Неохота за очками вставать, да он и так  
помнит. — *Жизнь только миг, небытие навеки. / Та-та-та-та-там, что-то  
там такой, / Живут и исчезают человеки.* Как в воду глядел мужик.

Заморочил он ей голову. Чьи стихи? Его?

— Нет, не угадаешь. Андропов это. Юрий Владимирович. Вот так вот.  
Лучше любых там... *Но сущее, рожденное во мгле, / Неистребимо на пути к  
рассвету, / Иные поколения на Земле / Несут все дальше жизни эстафету.*

Иные поколения, фу ты.

— У тебя, Егор, дети, внуки, все правильно. — Плачет, захмелела  
совсем. Вся в слезах. Так всегда, если выпить в пост.

Стук. Ксения утирает слезы. Это еще что за явление Христа народу?  
Исайкин! С него капает пот, он задыхается:

— Уже знаешь?

— Что — знаю?! Кто тебя пустил сюда? Ну-ка!

ЧП. Убийство. ПАША ЦЫЦЫН УБИТ. Только что. Не где-нибудь — у  
нее в пельменной!

ТЕРАКТ! Почему сразу не известили? — Он и сам только узнал. —  
Дурак! Ты там был? Исайкин, а ты не пьяный? Ладно, беги вперед, догоним,  
или нет, подожди! Рукосуев куда-то уже звонит. Пошли, пошли! Путь  
оказывается длинным: Егор не то что бежать, не может быстро идти.  
Пыхтит:

— А ты говорила, птички к деньгам.

Видели они теракты по телевизору: взрывы, фрагменты тел, но возле  
пельменной совсем, можно сказать, спокойно. Народ тихий, по вечерам дома  
сидит. «Скорая» вон отъехала. В пельменной — милиционеры и прокурор,  
не смотрят на Ксению. Где убили? На кухне? Что Паша делал на кухне? Ага,  
вот и кровь. Ужас какой! Чем его? А, ножом. Накурили-то, накурили!  
Мужчины, курите на улице, — надо взять ситуацию под контроль.

А Роксана где? Где Роксана? Начальник милиции, толстый полковник:

— Кто? Ибрагимова? В камере временного задержания, где еще?

Завтра — в область.

ЧТО-О? ЭТО — ОНА? Господи! — Ксения принимается причитать и  
сразу перестает. Ясно теперь. Паша за девочкой ПОУХАЖИВАЛ. А  
Роксана-то! Взять и решить вопрос — ВОТ ЭТО ДА-А, ПОСТУПОК!

— Егорушка, какая область, зачем в область? Сто пятая, часть первая, ее  
ты судить должен.

— А чучмеки твои, Ксюш, сегодня ударно потрудились, — размышляет  
судья. — Глава местного самоуправления, не кролик. Пресса, то-сё. Охота  
искать приключений? Мне нет. — Ага, зевни мне еще! — Тут, будем  
говорить, сто пятая, часть вторая. — Начинает вспоминать кодекс: — С

особой жестокостью — раз. На почве национальной ненависти — кто его знает? — два. Теперь с этим строго.

— Скажи еще: при выполнении долга, — злится Ксения.

— Часть вторая, в область. От восьми до двадцати... Ну, двадцать не двадцать, а на десяточку потянет.

Нервы у Ксении Николаевны не железные:

— Извини меня, Егорушка, но за Пашу, извини меня, да? за Пашу Цыцына, за эту, прости меня, шелупонь — ДЕСЯТЬ ЛЕТ?! Побойся Бога, Егорушка! Я тебе завтра сто таких паш найду. Вы с ним друзья, конечно, были, но, извини, у нашего Паши где совесть была, там, как говорится, хрен вырос! — Менту: — Дай сюда, что ты написал, дознаватель херов! Не мешай, Егор! Что за ССОРА НА ФОНЕ ВНЕЗАПШН... Тьфу, урод! ВНЕЗАПНО ВОЗНИКШИХ НЕПРИЯЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ?! Пиши давай, ПРИ ПОПЫТКЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ... — Трет руку, она пульсирует так, что, кажется, кожа лопнет, не выдержит. — Где ее подпись? Нету! Всё, филькина грамота! Засунь себе в...

— Извините, Ксения Николаевна, — обижается милиционер. — Вы, так сказать, уважаемая личность...

От ее истерики Егор приходит в чувство, снова берется за телефон:

— Плохо человеку! — кричит он. — Да нет, да при чем тут... Давай сюда опять свою, блядь, медицину!

Неприятно, конечно, стресс. Кругом все в Пашиной крови. Ксения почти отключается. В чем-то все же она слабее мужчин. Ее тащат к двери, поливают водой, вату какую-то нюхать дают. «По нашей практике, — рассуждает Егор, — чтобы в первый раз и — за нож, это редко. Ну, топором там... а ножом трудно убить человека. Вызывает определенное... Ты свинью резал?» Еще голоса: «А красивый бабец?» — «Да чего там красивого, чурка и чурка», — «Паландреич-то думал, Бога за яйца держит, брали в область», — «Ага, ногами вперед...»

— Ну, в общем. Дозалупался Паша, — подытоживает судья. — Родственникам сообщили?

Всё, она в порядке. Следственные действия в пельменной завершены, можно мыть. Тетки сделают. Егор отводит ее домой: еще по сто, за помин души? — Да, а теперь оставь меня. Исайкин, ты тоже — не суети.

Ксения не засыпает, а как-то проваливается. Минут через сорок сознание к ней вдруг возвращается, она вскакивает, хватая громадную сумку и швыряет в нее из холодильника яблоки, йогурты, колбасу. Отворяет дверь в Верочкину комнату, Ксения редко заходит сюда, распахивает шкаф и сваливает в сумку платья, ботинки, даже белье, большой ошибки с размером не будет. Господи, да что же такое? Только привяжешься к человеку...

Ксения добирается до милиции. Полковник у себя? Где ему быть, события-то, Ксения Николаевна, какие! Конечно, он пустит ее, как отказать такой женщине?

— Тэк-с, посмотрим сперва в глазок. — Дает посмотреть и Ксении. — Спит наша злодейка, просто удивительно.

В камере она одна. И вправду — спит. Лежит на спине, дышит размеренно, неглубоко и во сне кажется еще прекраснее.

Когда *этот* отвалился от нее и наконец затих, она дождалась, пока уймется ярость, отдышалась и пошла смывать с себя все под раковиной — в уборную, где мылась всегда. Возможно, уничтожить следы соприкосновения с насильником не следовало, об этом она тоже подумала, но подавить в себе желание помыться не смогла. Сложила в пакет порванные чулки и халат, туда же сунула обернутый в газету нож. Затем надела единственное свое платье, пальто, повязала косынку, взяла из подсобки несколько книг — все ее вещи, заперла дверь и отправилась в отделение милиции. Да, еще перед уходом всюду погасила свет. Ее хладнокровие позже послужит доказательством того, что она либо выдумала знаки внимания, оказанного ей жертвой, либо преувеличила их значение.

В отделении она сообщает дежурному, что около часа назад при попытке изнасилования ею был убит мужчина средних лет, предъявляет содержимое пакета, передает ключ от пельменной.

Она смотрит за тем, как в отделении возникает переполох, как с лестницы сбегают милиционеры, как по направлению к пельменной отъезжает автомобиль. Саму ее отводят на второй этаж и усаживают на стул. Напротив, через стол, садится молодой милиционер. Он настроен миролюбиво:

— Можете пригласить своего адвоката.

Адвоката у нее пока нет. — Это шутка. Он пошутил.

Ибрагимова Рухшона Ибрагимовна, 1971 года рождения, гражданка Таджикистана. Место рождения — Ленинабад, ныне Худжанд. Образование — высшее.

Милиционер отрывается от протокола. Да, высшее, филологический факультет МГУ. Милиционер сильно, по-видимому, удивлен: у него самого, вероятно, не больше двух лет заочного юридического.

Статью пятьдесят первую Конституции она знает: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого и так далее».

— Привлекались?

— Нет, в первый раз.

Откуда же?.. — Она пожимает плечами: читала. — Конституцию? Ну и ну.

Он просит ее изложить обстоятельства дела. Тон его — благожелательный. Если все так, как она указывает в заявлении, то он снимет с нее показания и — под подписку — выпустит.

Видела ли она мужчину раньше? — Да, видела, он ненадолго заходил к хозяйке. Имени его не знает. Сегодня пришел около шести часов вечера, спросил Ксению Николаевну. Не застав ее, купил кружку пива. В пельменной, кроме них, никого не было. Попил пива и предложил ей... физическую близость, получил отказ. Да, резкий, но по форме не оскорбительный, почти бессловесный.

— А то бывает такой отказ, — объясняет милиционер, — когда, вроде, отказ... а потом... Короче... Женщины любят силу.

Она на него внимательно смотрит. Она любит силу, но тут была не сила. Милиционер ее, кажется, не вполне понял:

— Это лирика. Дальше давайте, дальше.

Когда мужчина встал и направился к ней, перешла на кухню. Зачем? Это было инстинктивным, а не продуманным решением. Где лежал нож, помнит, сколько нанесла ударов и куда — нет. Хотела ли убить? Хотела, чтобы его не стало, каким угодно образом.

Еще вопрос: почему она не работает по специальности? Она не видит, как это относится к делу. Хорошо, а раньше работала? В университете в Худжанде, недолго, преподавала русскую литературу.

## Резюме

V diplomové práci je představen překlad části novely Maxima Osipova *Kámen, nůžky, papír* («Камень, ножницы, бумага») a translatický komentář k této novele. Jelikož není Maxim Osipov příliš známý mezi českými čtenáři a doposud byla přeložena pouze jedna jeho povídka *Malý lord Fauntleroy* v rámci antologie současné ruské prózy ve studentských překladech (Univerzita Palackého Olomouc, 2013), zvolili jsme překlad pro diplomovou práci z jeho tvorby.

Diplomová práce je klasicky rozdělena na dvě části, teoretickou a praktickou. Praktická část zahrnuje samotný překlad novely *Kámen, nůžky, papír*. Teoretická část je rozdělena na několik kapitol, které v sobě zahrnují analýzu překladu, biografii autora a jeho tvorbu a lingvo-stylistickou charakteristiku novely.

Novela *Kámen, nůžky, papír* poprvé vyšla v roce 2009 v časopise *Znamja*, podruhé v roce 2012 ve sbírce *Renesanční člověk* (Человек эпохи возрождения), ale náš překlad byl vytvořen na základě aktualizované verze z roku 2015, která se nachází na oficiálních internetových stránkách Maxima Osipova. Dalším kritériem pro výběr překládaného díla byl specifický styl Maxima Osipova, který spočívá v hojném využívání eliptických vět, hovorové slovní zásobě a žargonu, což podstatně ztěžovalo překlad.

Translatický komentář sestává z několika kapitol a podkapitol, které se zabývají slovní zásobou, syntaxí, morfologií a stylistikou překládaného textu. Také se zaměřujeme na překlad reálií, frazeologizmů, překlad názvu novely, aluze a pragmatiku.

V diplomové práci se opíráme o české a ruské teoretiky a odborníky v oblasti překladu J. Levého, D. Knittlovou, Z. Kufnerovou, V. Modestova, N. Valginu, V. Komissarova a další.

První kapitola pojednává o autorovi novely Maximu Osipovi, který pracuje jako lékař ve městě Tarusa nedaleko Moskvy. Svá díla vydává od roku 2007 převážně v časopise *Znamja*, svoji první knihu však vydal již v roce 1993. Ve vydavatelství ACT-Corpus vydal čtyři sborníky a jeho díla byla přeložena do několika světových jazyků. Na motivy novely *Kámen, nůžky, papír* byla vytvořena divadelní hra, která se poprvé hrála v divadlech v Omsku a Petrohradu. Maxim Osipov je také držitelem mnoha cen za literaturu a jeho realistická tvorba je hodnocena převážně kladně.

Dále se v této kapitole zabýváme tvorbou Maxima Osipova, který bývá často srovnáván s A. P. Čechovem a M. A. Bulgakovem, jelikož je spojuje nejen literatura, ale také povolání lékaře. Tvorba Maxima Osipova je realistická, bez známky pesimismu, protože

ve svých dílech píše o takovém životě, jaký je, a ví, že svět lepší nebude. Proto bychom, podle něho, měli mít život rádi. V této kapitole uvádíme také obsah novely Kámen, nůžky, papír, která vypráví příběh o místním učiteli literatury a o předsedkyni místní samosprávy a podnikatelce Kseniji Nikolajevně Knyš, které zahynula dcera, tolik milovaná učitelem literatury.

Součástí první kapitoly je také lingvo-stylistická charakteristika novely, ve které popisujeme styl autora, jeho útržkovitost a krátké věty, hovorovou syntax se změnou slovosledu ve větě a eliptičností, hovorovou slovní zásobou a žargon hlavně pro dialogy, charakterizující jeho styl. V novele se setkáváme i s částí, která je psaná kurzívou; jedná se o psaní učitele literatury, pro které je charakteristický spisovnější jazyk, delší věty a menší množství použitých nespisovných výrazů.

Druhou velkou kapitolu tvoří translátologický komentář překladu, obsahující hlavní problémy, se kterými jsme se při překladu novely setkali. Navrhujeme vhodná řešení, uvádíme příklady z novely spolu s překladatelským řešením. Vybrali jsme několik jazykových rovin, které jsou z našeho hlediska v rusko-českém srovnávacím pohledu zajímavé. Zabýváme se zde také překladatelskou metodou, na základě které jsme zvolili překlad na pomezí volného a přesného. V překladu reálií jsme volili spíše exotizaci textu, jelikož jsme chtěli poukázat na ruské prostředí novely, ale tento přístup jsme volili pouze u reálií, u kterých se předpokládalo, že jsou známé českému čtenáři.

Stylistická rovina proniká do všech jazykových rovin, v našem případě do lexikální a morfo-syntaktické, které popisujeme v této kapitole. Zaznamenali jsme jisté rozdíly v těchto rovinách mezi ruským a českým jazykem. Jedná se mimo jiné o vyjádření hovorovosti textu, která se v ruštině projevuje hlavně na úrovni lexikální a syntaktické, kdežto v češtině se hovorovost vyjadřuje také pomocí úrovně morfologické. Zde jsme museli přenášet hovorovost z jedné jazykové roviny do druhé, aby se zachoval hovorový styl novely. Dále jsme řešili větší expresivitu ruštiny, která více používá citoslovce než čeština.

Druhou podkapitolu diplomové práce tvoří rovina lexikální, jejíž součástí jsou vlastní jména, deminutiva, vulgarizmy a termíny. Tyto zkoumané oblasti pro nás byly nejvíce zajímavé, jelikož jsme mezi nimi zaznamenali značné rozdíly, co se týče ruštiny a češtiny.

Na rovině lexikální jsme řešili překlad vlastních jmen, která jsou těsně spjata s grafickou a foneticko-fonologickou úrovní jazyka. Co se týče překladatelských transformací, často

jsme využívali transkripce, tedy přepis zvukové podoby slova. V jednom případě jsme museli u příjmení přeložit jeho význam, aby text neztratil na humornosti. U jmen také ponecháváme jméno po otci, jako příznak ruského prostředí. Ruština má ale také jistý nespisovný tvar jména a jména po otci, která jsou spojena do jednoho slova, jako když se tato dvě jména vysloví rychle po sobě; vznikne vlastně jedno slovo s vynecháním některých slabik pro pohodlnější vyslovení. Tento případ jsme ale nedokázali přeložit od českého jazyka, nechali jsme pouze spisovný tvar jména a jména po otci. Zabývali jsme se také deminutivy, která ruština využívá hojněji než čeština, do níž jsme zdobněliny často překládali bez použití tohoto tvaru. Vulgarizmy, které se objevují v novele, překládáme v některých případech méně vulgárním ekvivalentem, neboť se domníváme, že v daném kontextu v českém jazyce nejsou vhodné.

I když je text umělecký, objevuje se v něm velké množství termínů, u kterých ovšem není nutná přesnost jejich překladu. Ve většině případů jsme o ni usilovali, ale kde bylo vhodnější překlad zjednodušit pro lepší pochopení českým čtenářem, tam jsme od přesnosti odstoupili. I když by se dalo po seznámení s biografií autora očekávat, že se v novele setkáme s větším množstvím lékařských termínů, v této novele tomu tak není. Lékařský termín je v novele pouze jeden, převažují zde právnícké termíny, jejichž překlad jsme konzultovali s právníky. Dále se v novele objevují náboženské termíny. Museli jsme řešit překlad termínů z křesťanství pravoslavného do katolického, a to pomocí českého ekumenického překladu. Narazili jsme i na termíny z oblasti islámu nebo judaismu.

Třetí podkapitola pojednává o morfo-syntaktické úrovni překladu. V první řadě se zabýváme rozdíly v ruském a českém slovosledu. Tyto dva jazyky sice patří k jazykům slovanským, které se vyznačují volným slovosledem, přesto ale určitá pravidla a rozdíly v této oblasti mezi češtinou a ruštinou existují. Zabýváme se problematikou aktuálního větného členění, kdy se v češtině nová informace (réma) klade zpravidla na konec věty, zatímco v ruštině, hlavně v hovorové řeči, se réma přesouvá na předposlední místo. Někdy se v ruštině réma objevuje i na začátku věty. Hovorová ruština, na rozdíl od češtiny, odděluje přívlastek shodný od svého podstatného jména, což je dáno tím, že se nejdříve uvádí ten důležitější komponent a poté ten méně důležitý. Dále ruština hojně využívá obmykání, což znamená, že jsou mezi přívlastek a podstatné jméno vloženy další členy, které daný přívlastek rozvíjí.

Dále se zabýváme postavením přísudku ve větě; ten se často v ruštině objevuje na prvním místě nebo na konci věty. Zaobírali jsme se také postavením infinitivu. Dále se v této

podkapitole věnujeme druhům eliptických vět, které jsou více typické pro ruštinu. V novele jsou také časté parcelace. V rámci syntaxe se věnujeme autorské a polopřímé řeči. Co se týče morfologie, tak i v případě téměř stejných kategorií v českém a ruském jazyce je třeba si všimnout rozdílů v jejich používání, například přechodníků a participií, nebo frekventativ, dvojitého záporu.

V novele jsou dva druhy textů, první je text samotné novely, ve kterém převládá hovorová ruština, obsahuje krátké a eliptické věty, setkáme se zde také se žargonem. Druhý text je graficky oddělen kurzívou a jsou pro něj charakteristické delší věty, méně hovorovosti. Tento osobitý autorův styl jsme se snažili zachovat, používali jsme v překladu krátké a eliptické věty, obecnou češtinu pro vyjádření hovorovosti. V některých případech to ale nedovolovala pravidla českého pravopisu a museli jsme například spojit několik vět dohromady nebo naopak některé rozdělit, u některých eliptických vět jsme doplnili chybějící větné členy pro lepší srozumitelnost.

Jednu podkapitolu věnujeme i pragmalinguistické rovině, která ovlivňuje to, jak působí text na čtenáře. Překladatel by v takovém případě měl být pragmaticky neutrální a v ideálním případě by měl mít tytéž znalosti reálií, historie atd. jako spisovatel. Největší rozdíly jsme zaznamenali v náboženství, které je v Ruské federaci součástí kultury a i ateistům jsou některé náboženské termíny a praktiky velmi dobře známé a nikoho neudivují. Na rozdíl od češtiny, kdy s náboženskou terminologií jsou seznámeni většinou pouze lidé věřící a praktikující dané náboženství. Tato skutečnost je ovlivněna také tím, že většina obyvatel České republiky patří k ateistům, přitom v Ruské federaci je tomu naopak. I z tohoto důvodu mají obyvatelé Ruska bližší vztah k náboženství. Další věc, se kterou jsme si museli při překladu novely poradit, je překlad slovní zásoby z pravoslavného křesťanství do katolického. Oblast náboženství je úzce spjata s reáliemi, kterými jsme se v diplomové práci také zabývali.

Překlad reálií se může uskutečnit několika způsoby, transkripcí, kalkováním a záměnou nebo adaptací reálií. Přijatelný je i překlad opisem nebo překlad komentovaný. Překlad také záleží na tom, na kolik může překladatel předpokládat informovanost čtenáře o cizojazyčném prostředí. Překladatel musí brát v potaz kulturní připravenost čtenáře, aby ho zbytečně nezahlocoval exotizmy. My jsme při překladu reálií zohledňovali informovanost českého čtenáře a některé reálie, u kterých jsme předpokládali znalost českého čtenáře, jsme v překladu ponechávali, jelikož jsme chtěli zdůraznit ruské prostředí. Řešili jsme i případ bezekvivalentní slovní zásoby, kdy jsme museli najít nejbližší možnou variantu překladu pro přiblížení situace českému čtenáři.

V novele jsme museli také řešit překlad velkého počtu frazeologizmů, což patří k tomu nejtěžšímu v překladu. Snažili jsme se najít odpovídající ekvivalent v českém jazyce, ale ne vždy to bylo možné. V některých případech jsme museli použít opis frazeologizmu nebo jeho neúplný ekvivalent. V tomto případě jsme pracovali s Rusko-českým frazeologickým slovníkem L. Stěpanové.

Krátkou podkapitolu jsme věnovali i překladu názvu novely, Kámen, nůžky, papír. Ten v našem případě odpovídal názvu hry, která existuje v obou prostředích, překlad tedy nečinil žádné problémy.

Další oblast překladu, která patří k těm nejtěžším, je aluze. Není vždy jednoduché ji rozpoznat, jelikož je těsně spjata s kulturou výchozího jazyka a záleží na rozhledu překladatele. V novele byly některé aluze lehce rozpoznatelné, jelikož se graficky lišily od zbytku textu, u některých to tak ovšem nebylo. V novele jsme objevili velké množství aluzí literárních, jednalo se hlavně o klasickou ruskou literaturu, která je rovněž známá českému čtenáři. V některých případech jsme pro lepší srozumitelnost doplnili aluzi o informaci, o které dílo se jedná. Někdy došlo při překladu ke ztrátě literární aluze v cílovém jazyce, z důvodu rozdílného názvu cizojazyčného literárního díla v jazyce výchozím a cílovém, jelikož by tento rozdílný název nezapadal do kontextu.

V některých případech jsme byli nuceni literární aluzi překládat sami, jelikož jsme nenašli dané literární dílo přeložené do cílového jazyka. V opačném případě jsme dané fragmenty vyhledávali v literárních dílech, která již byla přeložena do češtiny. K aluzím neliterárním, které jsme v novele našli, patří odkaz na písně, které v novele zpívají nebo se o nich baví hlavní postavy. Dále se v novele objevila fráze ze sovětského filmu Podzimní maraton. V novele se objevují i citáty z Bible, které jsou v některých případech pozměněny, ale pouze tak, aby se dalo poznat, o jaký citát se jedná.

Cílem práce bylo vytvoření adekvátního překladu části novely Kámen, nůžky, papír, která je dostupná z oficiálních internetových stránek Maxima Osipova. Usilovali jsme také o přiblížení autorovy tvorby českému čtenáři. Při překladu novely jsme si dělali poznámky o těch pasážích, se kterými jsme si nevěděli rady nebo které byly podle našeho názoru zajímavé. A později s pomocí odborné literatury jsme se snažili přijít na jejich řešení. Translatologický komentář obsahuje pouze jevy, které byly podle našeho názoru z hlediska rusko-českého překladu zajímavé a vyskytovaly se v novele ve větším množství.

Zvolili jsme překlad na pomezí volného a přesného překladu. Snažili jsme se zachovat styl autora, pro kterého je charakteristická hovorová syntax i lexikologie. Hovorovost

v těchto rovinách je více typická pro ruštinu než pro češtinu, která svou hovorovost vyjadřuje spíše v rovině morfologické, mimo jiné obecnou češtinou. Zachovávali jsme v překladu ruské realie, ale jen ty, u kterých se dalo předpokládat, že jsou českému čtenáři známé. Při překladu frazeologizmů neexistovaly vždy úplné ekvivalenty, proto jsme někdy volili překlad neúplným nebo částečným ekvivalentem nebo frazeologickým analogizmem. Často jsme se setkali také s bezekvivalentním frazeologizmem, pro jehož překlad jsme využili neutrální slovní zásobu. Při překladu aluzí někdy v překladu docházelo ke ztrátě aluze, popřípadě jsme museli doplňující informací naznačit, že se o aluzi jedná. Co se týče aluze na Bibli, český čtenář by ji mohl rozpoznat, ovšem, jak už jsme zmiňovali výše, pro běžného českého čtenáře není náboženství těsně spjata s kulturou a každodenním životem tak jako pro čtenáře ruského, proto si myslíme, že ne každý čtenář překladu aluzi na Bibli může rozpoznat.

Popsali jsme ty nejzajímavější a nejsložitější momenty, se kterými jsme se při překladu setkali. Při překladu jsme respektovali spisovné normy českého jazyka a usilovali o maximálně ekvivalentní překlad novely Kámen, nůžky, papír.

## Список литературы

ADAMEC, Přemysl. *Porjadok slov v sovremennom ruskom jazyke*. Praha: Academia, 1966.

ACHMATOVA, Anna Andrejevna a Hana VRBOVÁ. *Vestálka paměti*. Praha: Lidové nakladatelství, 1990. Trojka. ISBN 8070220791.

CVETAJEVA, Marina Ivanovna. *Pij, duše, co hrdlo ráčí*. Vyd. tohoto výboru 1. (autorsky nově zpracované). Přeložila Jana ŠTROBLOVÁ. Praha: Vyšehrad, 2005. Verše (Vyšehrad). ISBN 8070217855.

DOSTOJEVSKIJ, Fedor Michajlovič. *Zločin a trest*. V nakl. Academia 2. vyd. Přeložil Jaroslav HULÁK. Praha: Academia, 2007. Europa (Academia). ISBN 9788020015136.

FICO, Adriana. „Maxim Osipov“ In: PECHAL, Zdeněk. *Současná ruská, polská a ukrajinská literatura*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. ISBN 978-80-244-3924-2. s. 159-178.

GRYGOVÁ, Bronislava. „Typy překladu“ In: KNITTLOVÁ, Dagmar, Bronislava GRYGOVÁ a Jitka ZEHNALOVÁ. *Překlad a překládání*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2010. ISBN 978-80-244-2428-6. s. 14-17

HRDLIČKA, Milan. *Literární překlad a komunikace*. Praha: ISV, 2003. Jazykověda (Institut sociálních vztahů). ISBN 80-86642-13-5.

HRDLIČKA, Milan. *Překladatelské miniatury*. Vyd. 2., rozš. V Praze: Karolinum, 2014. ISBN 978-80-246-2501-0.

ILEK, Bohuslav. „Metodika překládání“ In: MORAVEC, Jaroslav, ed. *Kniha o překládání: příspěvky k otázkám překladu z ruštiny*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Knižnice Československo-sovětského institutu. s. 68-106

KNITTLOVÁ, Dagmar. „Tradiční překladatelské postupy“ In: KNITTLOVÁ, Dagmar, Bronislava GRYGOVÁ a Jitka ZEHNALOVÁ. *Překlad a překládání*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2010. ISBN 978-80-244-2428-6. s. 14-17

KNITTLOVÁ, Dagmar. *K teorii i praxi překladu*. 2. vyd. Olomouc: Univerzita Palackého, 2000. ISBN 80-244-0143-6.

- KŘÍŽKOVÁ, Helena. „Problémy českého a ruského slovosledu“ In: MORAVEC, Jaroslav, ed. *Kniha o překládání: příspěvky k otázkám překladu z ruštiny*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Knižnice Československo-sovětského institutu. s. 280-298
- KUFNEROVÁ, Zlata. „Textové a stylové koncence v překladu“ In: KUFNEROVÁ, Zlata. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 1994. Linguistica. ISBN 80-85787-14-8. s. 106-108.
- LEVÝ, Jiří, HAUSENBLAS, Karel, ed. *Umění překladu*. Vyd. 3., upr. a rozš. verze 2. Praha: I. Železný, 1998. ISBN 80-237-3539-X.
- LEVÝ, Jiří. *Bude literární věda exaktní vědou?: výběr studií*. Praha: Československý spisovatel, 1971.
- LEVÝ, Jiří. *Umění překladu*. 4., upr. vyd. Praha: Apostrof, 2012. ISBN 978-80-87561-15-7.
- MORAVEC, Jaroslav, ed. *Kniha o překládání: příspěvky k otázkám překladu z ruštiny*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Knižnice Československo-sovětského institutu.
- POPOVIČ, Anton. *Teória umeleckého prekladu: aspekty textu a literárnej metakomunikácie*. 2., preprac. a rozšír. vyd. Bratislava: Tatran, 1975. Okno.
- PUŠKIN, Aleksandr Sergejevič. *Evžen Oněgin*. Přeložila Olga MAŠKOVÁ. Praha: Odeon, 1987.
- PUŠKIN, Aleksandr Sergejevič. *Ve znamení múz: výběr z milostné poezie*. Přeložil Miloslav JEHLIČKA. Praha: Lidové nakladatelství, 1989. ISBN 8070220031.
- STĚPANOVÁ, Ludmila. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. ISBN 9788024417509.
- STRAKOVÁ, Vlasta. „Oslovení jako překladatelský problém“ In: KUFNEROVÁ, Zlata. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 1994. Linguistica. ISBN 80-85787-14-8. s. 163-167
- STRAKOVÁ, Vlasta. „Překládání a vlastní jména“ In: KUFNEROVÁ, Zlata. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 1994. Linguistica. ISBN 80-85787-14-8. s. 172-176.

STRAKOVÁ, Vlasta. „Termín jako překladatelský problém“ In: KUFNEROVÁ, Zlata. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 1994. Linguistica. ISBN 80-85787-14-8. s. 90-96

TOLSTOJ, Lev Nikolajevič. *Vojna a mír*. Přeložil Libor DVOŘÁK, přeložil Veronika SYSALOVÁ. Praha: Odeon, 2010. Knihovna klasiků (Odeon). ISBN 9788020713360.

VILIKOVKÝ, Ján. „Alúzia v preklade“ In: *Acta Universitatis Carolinae*. Praha: Univerzita Karlova, 1989, III(2). ISSN 0567-8269. s. 99-116.

VILIKOVSKÝ, Ján. *Překlad jako tvorba*. Praha: Ivo Železný, 2002. ISBN 80-237-3670-1.

VYCHODILOVÁ, Zdeňka. „K pojetí elipsy a příbuzných jevů v ruštině a češtině“ In: *Opera Slavica*. Masarykova univerzita, 1995, 5(2). ISSN 2336-4459.

VYCHODILOVÁ, Zdeňka. *Vvedenije v teoriju perevoda dlja rusistov*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. ISBN 9788024434179.

VYCHODILOVÁ, Zdeňka. *Výrazová úspornost v syntaxi současné ruštiny*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. ISBN 978-80-244-2886-4.

ŽAŽA, Stanislav. *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. 2. přeprac. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1999. ISBN 80-210-2058-X.

БАРХУДАРОВ, Леонид. *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: Международные отношения, 1975.

ВАЛГИНА, Нина. *Современный русский язык: синтаксис*. Москва: Высшая школа, 2003. ISBN 5-06-004540-4.

ВИНОГРАДОВ, Венедикт. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Москва: Московский университет, 1978.

ГАЧЕЧИЛАДЗЕ, Гиви. *Художественный перевод и литературные взаимосвязи*. Москва, 1972

ЗЕМСКАЯ, Елена. *Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения*. 4-е изд. Москва: Флинта, 2011. ISBN 978-5-89349-635-2.

КОМИССАРОВ, Вилен. *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС, 2002. ISBN 5-93386-030-1.

КОМИССАРОВ, Вилен. *Теория перевода: (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа, 1990. ISBN 5-06-001057-0.

МАТВЕЕВА, Галина. *Основы прагмалингвистики*. Москва: Флинта, 2013. ISBN 978-5-9765-1610-6.

МОДЕСТОВ, Валерий. *Художественный перевод: история, теория, практика*. Москва: Литературный институт им. А. М. Горького, 2006. ISBN 5-7060-0072-7.

МОКИЕНКО, Валерий, Т. МАЛИНСКИ, Людмила, СТЕПАНОВА. *Русская фразеология для чехов*. Оломоуц: Vydavatelství Univerzity Palackého, 1995. ISBN 8070675055.

ШВЕЙЦЕР, Александр. *Теория перевода*. Москва: Наука, 1988. ISBN 5-02-010882-0

### **Интернет-источники**

*Česká biblická společnost* [online]. [cit. 2017-04-07]. Dostupné z: <http://www.biblenet.cz/app/bible/passage?passagePath.path=list%20jakubuv%205,9-12>

*Česká biblická společnost* [online]. [cit. 2017-04-08]. Dostupné z: <http://www.biblenet.cz/app/bible/passage?passagePath.path=matous%207,15-20>

*Česká biblická společnost* [online]. [cit. 2017-04-08]. Dostupné z: <http://www.biblenet.cz/b/Cor2/12#v9>

*Pravoslaví* [online]. [cit. 2017-04-08]. Dostupné z: <http://download.pravoslavi.cz/>

ВАЛГИНА, Нина. *Современный русский язык* [online]. 6-е изд. Логос, 2002 [cit. 2017-04-05]. Dostupné z: [http://pedlib.ru/Books/6/0262/6\\_0262-496.shtml](http://pedlib.ru/Books/6/0262/6_0262-496.shtml)

*Журнальный зал: Знамя* [online]. 2007 (5), [cit. 2017-04-03]. Dostupné z: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/os14.html>

*Журнальный зал: Знамя* [online]. 2011 (1), [cit. 2017-04-03]. Dostupné z: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/1/os10.html>

*Литература и жизнь: А. А. Блок, О назначении поэта* [online]. [cit. 2017-04-07]. Dostupné z: [http://dugward.ru/library/pushkin/blok\\_o\\_naznachenii.html](http://dugward.ru/library/pushkin/blok_o_naznachenii.html)

Повести и рассказы. ОСИПОВ, Максим. *Камень, ножницы, бумага* [online]. 2015 [cit. 2017-04-08]. Dostupné z: <http://maxim-osipov.ru/povesti.html>

*Русская Православная Церковь: Евангелие от Матфея* [online]. [cit. 2017-04-07]. Dostupné z: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/7/>

## **Аннотация**

Вс. Julie Pavljuk

Katedra slavistiky filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci

Komentovaný překlad současné ruské prózy (Maxim Osipov: Kámen, nůžky, papír)

Vedoucí diplomové práce: Doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

Počet znaků: 117 424

Počet příloh: 0

Počet titulů použité literatury: 40

Cílem diplomové práce je vytvoření komentovaného překladu části novely Kámen, nůžky, papír (*Камень, ножницы, бумага*) Maxima Osipova. Teoretická část zahrnuje kapitoly, které se věnují autorovi a jeho tvorbě a lingvo-stylistické charakteristice překládané novely. Tato část obsahuje také překladatelský komentář, jehož součástí je metoda překladu a strategie řešení jednotlivých překladatelských problémů stylistické a morfosyntaktické roviny. Dále je v překladatelském komentáři zahrnuta rovina pragmatická, ve které jsou rozebírány reálie, název novely, frazeologie a aluze. Praktickou část tvoří samotný překlad části novely do češtiny.

Klíčová slova: umělecký překlad, Maxim Osipov, překladatelský komentář, metody překladu, překladatelské problémy, překladatelské posuny, pragmatická lingvistika

## **Annotation**

Bc. Julie Pavljuk

Department of Slavic Studies, Philological Faculty of the Palacký University in Olomouc

Annotated translation of contemporary Russian prose (Maxim Osipov: Rock, paper, scissors)

Advisor: Doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

Number of signs: 117 424

Number of enclosures: 0

Number of reference titles: 40

The aim of this thesis is to create a commented translation of the short story *Rock, paper, scissors* (Камень, ножницы, бумага) by Maxim Osipov. The theoretical part includes chapters dedicated to the author and his work, and linguistic-stylistic characteristics of the translated short story. This section also contains translation commentary that, among other things, describes the methods of translation and strategies for solutions of individual translational problems from stylistic and morpho-syntactic level. Furthermore, translation commentary includes pragmatic level, in which culture, the name of the short story, phraseology, and allusions are analyzed. The practical part is the actual translation of the short story into the Czech language.

Keywords: artistic translation, Maxim Osipov, translation commentary, methods of translation, translation problems, translation shifts, pragmatic linguistics

Univerzita Palackého v Olomouci  
Filozofická fakulta  
Akademický rok: 2015/2016

Studijní program: Filologie  
Forma: Prezenční  
Obor/komb.: Ruština pro překladatele (RPR)

**Podklad pro zadání DIPLOMOVÉ práce studenta**

PŘEDKLÁDÁ:	ADRESA	OSOBNÍ ČÍSLO
PAVLJUK Julie	Boží Dar 173, Boží Dar	F150720

**TÉMA ČESKY:**

Komentovaný překlad současné ruské prózy

**TÉMA ANGLICKY:**

Annotated translation of contemporary Russian prose

**VEDOUcí PRÁCE:**

doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. - KSR

**ZÁSADY PRO VYPRACOVÁNÍ:**

1. Získávání materiálu k tématu práce
2. Studium odborné literatury
3. Analýza shromážděných podkladů
4. Překlad uměleckého textu
5. Aplikace získaných poznatků
6. Syntéza nabytých poznatků a vyvození závěrů

**SEZNAM DOPORUČENÉ LITERATURY:**

- V.N. Komisarov, Sovremennoje perevodovedeniye : učebnoje posobie, 2002  
Z. Kufnerová, Překládání a čeština, 2003  
M. Hrdlička, E.Gromová, Antologie teorie uměleckého překladu, 2004  
J. Levý, Umění překladu, 2013

Podpis studenta:

*Pauls*

Datum:

*20.09.2016*

Podpis vedoucího práce:

*Zdenka*

Datum:

*20.09.2016*